

Напоминание о нем

Автор:

[Колин Гувер](#)

Напоминание о нем

Колин Гувер

Все твои совершенства. Главные романы Колин Гувер

Колин Гувер – автор, которому читатели доверяют свое сердце. Она – мировой тренд, литературный феномен нашего времени, троекратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «Любовный роман». Ее произведения переведены на десятки языков. Продажи книг Колин Гувер превысили продажи Стивена Кинга и Джорджа Мартина. Более 3 000 000 000 просмотров в TikTok.

«Напоминание о нем» – это история о том, что иногда, чтобы расправить крылья, нужно найти силы простить себя.

Птица – главный символ этой книги. Кенна – запертая в клетке птичка. Она мечтает избавиться от разрушительного прошлого, чтобы снова стать свободной. Такой же свободной, как души тех, кого уже нет рядом с нами. Именно об этом думал Лэджер, когда посмотрел в небо. Они живы, пока есть то, что нам о них напоминает.

«Может, лучший способ смириться с потерей тех, кого мы любим, – это умение видеть и находить их везде, где только возможно. И если люди, которых мы потеряли, как-то могут нас слышать, нужно просто не переставать разговаривать с ними».

Отсидев пять лет в тюрьме за трагическую ошибку, Кенна возвращается в город, надеясь воссоединиться со своей четырехлетней дочерью. Ей нужны деньги и поддержка, но как бы сильно Кенна ни старалась все исправить, сожженные мосты невозможно восстановить.

Леджер, владелец местного бара, готов принять неудобную правду о Кенне. Может, он – тот самый человек, который сделает ее счастливой? Разрываемый противоречиями, Леджер делает свой выбор.

Готовы ли герои пойти за истиной, куда бы она ни привела?

И можно ли испытывать страсть к тому, кого ненавидишь?

Колин Гувер

Напоминание о нем

Посвящается Тазаре

Colleen Hoover

REMINDERS OF HIM

Copyright © 2022 by Colleen Hoover

All rights reserved

© Бялко А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

1

Кенна

На краю дороги из земли торчал небольшой деревянный крест с написанной на нем датой смерти.

Скотти бы такое не понравилось. Готова поспорить, крест ставила его мать.

– Можете остановиться на обочине?

Таксист притормозил и остановился. Я вышла и подошла к кресту. Покачала его в грязи из стороны в сторону, а потом вытащила.

Он что, умер вот на этом самом месте? Или еще на дороге?

Я не особо следила за деталями во время предварительного следствия. Услышав, что он прополз несколько метров от машины, я начала мычать, чтобы не слышать больше ничего из того, что говорил прокурор. А потом, чтобы избавиться от всех подробностей, если дело перейдет в суд, я признала себя виновной.

Потому что технически я и была виновна.

Может, я и не убивала его своими действиями, но своим бездействием точно убила.

Скотти, я думала, что ты умер. Но мертвые не ползают.

Держа крест, я вернулась к машине. Пристроила его рядом с собой на заднем сиденье и стала ждать, когда водитель вернется на дорогу, но он не шевелился. Я взглянула на него в зеркальце, а он пялился на меня, подняв брови.

– Как по мне, красть придорожные памятники плохо для кармы. Вы уверены, что хотите забрать его?

Отвернувшись в сторону, я соврала:

– Да. Это я тут его поставила. – Я все еще ощущала на себе взгляд таксиста, когда он выезжал на дорогу.

Моя новая квартира всего в пяти километрах отсюда, но в другую сторону от места, где я жила раньше. У меня не было машины, и я решила найти жилье поближе к центру, чтобы ходить на работу пешком. Если я вообще найду работу. С моей историей и отсутствием опыта это будет нелегко. А если слушать, что говорит водитель, у меня, может, еще и карма плохая.

Может, красть памятник Скотти и значит портить карму, но на это можно возразить, что ставить такой крест парню, который говорил, как ненавидит придорожные памятники, тоже ее не улучшает. Именно поэтому я и заставила водителя заехать сюда. Я знала, что Грейс наверняка поставит что-то на месте катастрофы, и считала, что ради Скотти должна убрать это.

– Карта или наличные? – спросил таксист.

Взглянув на счетчик, я вытащила из сумки деньги и чаевые и, когда водитель остановился, отдала ему. Потом взяла чемодан и только что украденный деревянный крест, вышла из такси и поднялась домой.

Моя новая квартира находилась не в крупном жилом комплексе. Это было отдельно стоящее здание, с одной стороны от которого была заброшенная парковка, а с другой – супермаркет. Окно внизу было забито фанерой, все вокруг замусорено пивными банками разной степени помятости. Я отшвырнула с дороги одну из них, чтобы она не застряла между колесами чемодана.

Жилье выглядело еще хуже, чем на картинке в интернете, но я чего-то такого и ожидала. Хозяйка даже не спросила моего имени, когда я позвонила с вопросом, есть ли свободные квартиры. Она сказала только:

– Они всегда есть. Приносите наличные. Я живу в первой квартире. – И повесила трубку.

Я постучалась в первую квартиру. Дверь открылась, появилась крошечная пожилая женщина. Она казалась раздраженной. В волосах у нее были бигуди, нос измазан в помаде.

– Что бы вы ни продавали, мне ничего не надо.

Я смотрела на помаду, на то, как она забилась в складки морщин.

– Я звонила вам на той неделе насчет квартиры. Вы сказали, у вас есть свободные.

На ее сморщенном лице мелькнуло припоминание. Оглядев меня сверху донизу, она хмыкнула:

– Не ожидала, что вы такая.

Я не поняла, что она имеет в виду. Она отошла от двери, и в это время я оглядела свои джинсы и майку. Она вернулась с небольшим кошельком на молнии.

– Пять пятьдесят в месяц. Плата за первый и последний – на месте.

Отсчитав деньги, я протянула их ей.

– И никакого договора?

Она рассмеялась, убирая деньги в кошелек.

– Твоя квартира – шестая. – Она указала пальцем вверх. – Это прямо надо мной, так что давай там потише. Я рано ложусь.

– А что включено в плату?

– Вода и мусор, электричество – за твой счет. Оно включено – у тебя три дня, чтобы перевести его на свое имя. Депозит электрической компании – две пятьдесят.

Черт. 250 за три дня? Я начала было сомневаться в своем решении вернуться сюда так быстро, но, когда закончился период моего временного содержания, у меня оставалось два варианта – потратить все деньги, стараясь выжить в том городе, или проехать шестьсот километров и потратить их в этом.

И я предпочла оказаться в городе, где жили все люди, связанные со Скотти.

Женщина отступила в свою квартиру.

– Добро пожаловать в «Райские апартаменты». Когда устроишься, принесу тебе котенка.

Я быстро уперлась в дверь рукой, чтобы она не закрыла ее.

– Погодите. Что? Котенка?

– Ну да, котенка. Это как кошка, только меньше.

Я отступила на шаг, как будто это могло спасти меня от того, что она говорила.

– Нет, спасибо. Я не хочу котенка.

– У меня лишние.

– Я не хочу котенка, – повторила я.

– Кто может не хотеть котенка?

– Я.

Она фыркнула, как будто услышала нечто совершенно нелепое.

– Сделаем так, – сказала она. – Я оставлю тебе электричество еще на две недели, если возьмешь котенка. – Что за чертовщина тут происходит? – Так и быть, – сказала она, восприняв мое молчание как своего рода тактику в переговорах. – Месяц. Ты берешь котенка, а я оставляю тебе электричество на целый месяц. – Она удалилась в квартиру, но оставила дверь открытой.

Я вообще не хотела котенка, но возможность сэкономить 250 долларов за электрический депозит в этом месяце стоила даже нескольких котят.

Она появилась снова с мелким черно-рыжим котенком в руках. И сунула его мне.

– Вот он. Если что надо, меня зовут Рут, но лучше, чтобы тебе ничего не понадобилось. – И снова попыталась закрыть дверь.

– Погодите. Скажите, где тут можно найти телефон-автомат?

Она хихикнула:

– Ну, где-то в 2005 году. – И закрыла дверь.

Котенок мяукнул, что прозвучало совсем не мило, а скорее напоминало крик о помощи.

– Ну да, и мне тоже, – пробормотала я.

Я побрела к лестнице со своим чемоданом и своим... котенком. Может, надо было все же подождать несколько месяцев, прежде чем возвращаться сюда. Я сумела скопить чуть больше двух тысяч, но большая часть ушла на переезд. Что, если я не смогу сразу найти работу? А теперь мне еще навязали ответственность за котенка.

Моя жизнь стала вдесятеро труднее, чем вчера.

Я поднялась в квартиру. Котенок цеплялся за мою майку. Вставив ключ в замок, я с трудом повернула его и налегла на дверь, чтобы она открылась. Когда дверь в мою новую квартиру распахнулась, я затаила дыхание, боясь, чем оттуда пахнёт.

Повернув выключатель, я огляделась, медленно выдыхая. Никаких особых запахов не чувствовалось. Это было и хорошо, и плохо.

В гостиной стоял диван и больше практически ничего. Небольшая гостиная, кухонька еще меньше, никакой столовой. Никакой спальни. Квартира без излишеств. Шкаф и крошечная ванная комната, где унитаз касался самой ванны.

Настоящая дыра. Пятидесятиметровая дыра, но для меня и она стала шагом вперед. Я прошла от житья с соседкой в десятиметровой камере ко временному содержанию с шестью соседками, а теперь у меня пятидесятиметровая квартира.

Мне двадцать шесть лет, и я впервые официально живу где-то совсем одна. Это освобождает и пугает одновременно.

Не знаю, смогу ли я через месяц все еще позволить себе такое жилье, но я собираюсь попробовать. Даже если для этого придется искать работу в каждом месте, мимо которого я буду проходить.

Собственная квартира может помочь мне, когда я стану защищать свое дело перед Ландри. Это покажет, что я теперь независима. Даже если за свою независимость мне предстоит бороться.

Котенок хотел на пол, и я отпустила его в гостиной. Он пошел по квартире, плача о том, что оставил там, внизу. Мне стало до боли жалко его, когда я смотрела, как он тычется по углам в поисках выхода. Чтобы попасть домой. К матери и братьям с сестрами.

Со своей черно-оранжевой пятнистой шкуркой он походил на шмеля или на что-то, оставшееся после Хеллоуина.

– Как же нам тебя назвать?

Я знала, что, скорее всего, ему придется провести без имени несколько дней, пока я буду думать об этом. Я очень серьезно подходила к выбору имен. Когда я в последний раз должна была кого-то назвать, я подошла к этому серьезнее, чем ко всему на свете до того. Может, это от того, что всю свою беременность я просидела в камере, где было больше нечего делать, кроме как выбирать имя для ребенка.

Я выбрала имя Диэм, потому что знала – как только меня выпустят, я вернусь и сделаю все, что в моих силах, чтобы найти ее.

И вот я здесь.

Carpe Diem.

2

Леджер

Я поставил свой грузовик на стоянке позади бара и только теперь заметил яркий лак на ногтях своей правой руки. Вот черт. Я и забыл, что вчера вечером играл в наряды с четырехлетней.

Ну, по крайней мере бордовый цвет подходил к моей рабочей рубашке.

Когда я вылез из кабины, Роман как раз выкидывал в помойку мешок с мусором. Увидев у меня в руках подарочный пакет, он понял, что это для него, и протянул руку.

– Дай угадаю. Это кофейная кружка? – Он заглянул внутрь.

Это была кружка. Как всегда.

Он не поблагодарил. Как всегда.

Мы никогда не обсуждаем, что эти кружки символизируют трезвость, но я каждую пятницу покупаю ему еще одну. И это уже девяносто шестая кружка.

Наверное, мне пора бы перестать, потому что у него уже полно этих кружек, но я не собираюсь сдаваться. Он не пьет уже без малого сто недель, и я уже некоторое время присматриваюсь к сотой, знаменательной кружке. Это будет кружка с «Денвер Бронко». Его последней любимой командой.

Роман указал на заднюю дверь бара.

– Там пара человек донимает остальных клиентов. Может, тебе взглянуть?

Это было странно. Обычно в такое раннее время не приходится иметь дело с беспорядками. Еще и шести-то нет.

– Где они сидят?

– Возле музыкального автомата. – Он взглянул на мою руку. – Отличные ногти, парень.

– Правда? – Я вытянул руку и пошевелил пальцами. – Для четырехлетки у нее неплохо получилось.

Я открыл заднюю дверь, и на меня обрушились звуки моей любимой песни, которую орал из динамиков Ugly Kid Joe.

Только не это.

Я прошел в бар через кухню, и тут же увидел их, склонившихся над автоматом. Я тихо подошел сзади и глянул, как она снова и снова нажимает те же четыре цифры. Они хихикали, как непослушные дети. Я взглянул вверх их голов на экран. «Кошка в колыбели» была проиграна тридцать шесть раз подряд.

Я кашлянул.

– Думаете, это смешно? Заставлять меня слушать ту же песню четыре часа кряду?

Услышав мой голос, мой отец повернулся ко мне.

– Леджер! – Он обнял меня. От него пахло пивом и машинным маслом. И, кажется, лаймом? Они что, напились?

Моя мать снова повернулась к автомату.

– Мы не нарочно. Мы пытались его починить.

– Ну конечно. – Я обнял ее.

Они никогда не предупреждали, что собираются приехать. Просто появлялись, оставались на день, два или три и снова уезжали на своем трейлере.

Но то, что они пьяные – это что-то новое. Обернувшись через плечо, я увидел Романа за стойкой бара и указал на родителей.

– Это ты сделал или они уже такими пришли?

Он пожал плечами.

– И так, и этак.

– У нас годовщина, – сказала мать. – Мы празднуем.

– Я только надеюсь, вы не за рулем.

– Нет, – сказал отец. – Наша машина в мастерской, надо починить кое-что, так что нас подвезли. – И похлопал меня по щеке. – Мы хотели повидать тебя, но тебя не было больше двух часов, и мы уже уходим, потому что проголодались.

– Именно поэтому стоит предупреждать меня до того, как приедете. У меня своя жизнь.

– А ты помнишь про нашу годовщину? – спросил отец.

– Вылетело из головы. Прости.

– Я тебе говорил, – сказал он матери. – Давай, Робин, плати.

Мать полезла в карман и вручила ему десятку.

Они всегда держали пари на все. На мою личную жизнь. Какие даты я помню. На каждую футбольную игру с моим участием. Но я почти уверен, что все эти годы они просто передавали друг другу все ту же самую десятку.

Отец поднял пустой стакан и взмахнул им.

– Бармен, налей нам еще.

Я взял у него стакан.

– Как насчет воды со льдом? – Оставив их у автомата, я прошел за стойку.

Я наливал в стаканы воды, когда в бар вошла девушка с каким-то потерянным видом. Она оглядела зал так, словно никогда не бывала тут, и, заметив пустой угол в дальнем конце стойки, сразу же прошла туда.

Я смотрел на нее все время, пока она шла через бар. Смотрел так внимательно, что переполнил стакан и вода разлилась. Схватив полотенце, я начал вытирать ее. Когда я взглянул на свою мать, она смотрела на девушку. Потом перевела взгляд на меня. Потом опять на нее.

Черт. Последнее, что мне нужно – чтобы она начала сводить меня с клиенткой. Она и трезвой-то всегда пытается меня сватать, так что страшно представить, что она может устроить, когда выпьет. Надо убирать их отсюда.

Я принес им воды и протянул матери свою кредитку.

– Пойдите в «Стейкхауз Джейка» и пообедайте за мой счет. Идите пешком, как раз по дороге протрезвеете.

– Какой ты милый. – Она драматически прижала руки к груди и поглядела на отца. – Бенджи, какой мальчик у нас вырос. Пошли, отпразднуем это с его кредиткой.

– У нас отлично получилось, – согласился отец. – Надо было завести побольше детей.

– Да, все климакс, милый. Помнишь, как я целый год на тебя бросалась? – Мать подхватила свою сумку, и они взяли стаканы воды с собой.

– Раз уж он платит, закажем антрекоты, – бормотал отец.

Облегченно выдохнув, я вернулся за стойку. Девушка тихо сидела в уголке и что-то писала в блокноте. Романа за стойкой не было, и я решил, что никто не взял у нее заказ.

Я с радостью это исправлю.

– Что вам принести? – спросил я.

– Воды и диет-колы, пожалуйста. – Она не взглянула на меня, и я пошел выполнять заказ. Когда я вернулся с напитками, она продолжала писать в своем блокноте. Я попытался взглянуть, что она там пишет, но она закрыла блокнот и подняла взгляд. – Спаси... – Она сделала паузу посреди слова, которое, как я полагал, было попыткой сказать Спасибо. Пробормотав бо, она сунула в рот соломинку.

Она казалась взволнованной.

Мне хотелось поговорить с ней, спросить, как ее зовут и откуда она, но за годы владения этим баром я усвоил, что вопросы, заданные одиноким людям, часто приводят к разговорам, от которых потом не отделаешься.

Хотя большинство тех, кто приходил сюда, не привлекали моего внимания настолько, как эта девушка. Кивнув на ее два стакана, я спросил:

– Вы кого-то ждете?

Она подвинула оба стакана к себе.

– Нет. Просто хочу пить. – Отведя взгляд, она откинулась на спинку кресла, снова взяла блокнот и погрузилась в него.

Я понимаю намеки. Я ушел в дальний конец бара, чтобы оставить ее в покое.

Роман вернулся из кухни и мотнул в ее сторону головой.

– Кто это?

- Не знаю, но у нее обручальное кольцо, так что она не в твоём вкусе.

- Очень смешно.

З

Кенна

Скотти, милый.

Представляешь, они открыли бар в старом книжном. Вот такая фигня...

Интересно, что они сделали с тем диваном, на котором мы сидели по воскресеньям.

Клянусь, все это похоже на то, как если бы весь город был большой доской для игры в «Монополию», и теперь, когда ты умер, кто-то взял доску и смешал все карточки.

Все стало другим. Все кажется незнакомым. Последние пару часов я бродила по центру и смотрела. Я шла в продуктовый, а потом отвлеклась, увидев скамейку, на которой мы ели мороженое. Я села и какое-то время смотрела на прохожих.

В этом городе все кажется такими беззаботными. Люди просто идут по улице, как будто в их мире все правильно, как будто они не могут в любой момент упасть с тротуара и оказаться на небесах. Они просто переходят из одного момента в другой и знать не знают о матерях, которые бродят вокруг, потеряв своих дочерей.

Наверное, мне не стоило идти в бар, особенно в первый же вечер по возвращении. Не то чтобы у меня проблемы с алкоголем, та ужасная ночь была исключением. Но последнее, чего я хочу, так это чтобы твои родители узнали, что я зашла в бар раньше, чем зашла к ним.

Но я-то думала, что там все еще книжный, а в книжных обычно продают кофе. И я так расстроилась, что зашла внутрь, потому что это был долгий день, я ехала сюда на автобусе, а потом на такси. И рассчитывала на большее количество кофеина, чем то, что есть в диетической коле.

Может, в этом баре и кофе есть. Я пока не спрашивала.

Может, мне не стоит тебе говорить, но я обещаю, что к концу письма станет понятно, зачем я это делаю – я однажды поцеловала охранника в тюрьме.

Нас застучали, и его перевели в другое место, и я переживала, что из-за нашего поцелуя у него возникли неприятности. Но он разговаривал со мной как с человеком, а не с номером, и хотя он мне даже не нравился, я знаю, что нравилась ему, так что, когда он поцеловал меня, я ответила ему. Таким способом я поблагодарила его. И, думаю, он это понял, и его это устраивало. Прошло уже два года с тех пор, как ты касался меня, так что, когда он прижал меня к стене и обхватил за талию, я думала, что почувствую что-то большее.

И я грустила из-за того, что не почувствовала.

Я говорю тебе все это потому, что у него был вкус кофе, но кофе лучше, чем тот, что давали в тюрьме заключенным. Это был дорогой кофе за восемь долларов из «Старбакса», с карамелью, взбитыми сливками и вишней. Вот почему я целовала его. Не потому, что мне нравился поцелуй, или он сам, или его руки на моей талии, но потому, что я так соскучилась по дорогому душистому кофе.

И по тебе. Я скучаю по дорогому кофе и по тебе.

С любовью,

Кенна.

– Вам долить? – спросил бармен. Его руки покрывали татуировки, уходящие вверх под рукава рубашки. А рубашку он надел темно-бордовую, такой цвет не часто увидишь в тюрьме.

Я как-то не задумывалась там об этом, но тюрьма была такой бесцветной и мутной, и ты начинаешь забывать, как могут выглядеть осенние деревья.

- А у вас есть кофе? - спросила я.

- Конечно. Сливки и сахар?

- А карамель у вас есть? И взбитые сливки?

Он закинул полотенце на плечо.

- Ну да. Соевые, снятые, миндальные или цельные?

- Цельные.

Бармен рассмеялся.

- Я пошутил. Это же бар - у меня есть кувшин кофе, заваренный четыре часа назад, и вы можете выбрать - со сливками, с сахаром, оба или ничего.

Цвет его рубашки и то, как она шла к цвету его кожи, сразу утратили привлекательность. Придурок.

- Просто принесите хоть что-нибудь, - пробурчала я.

Бармен ушел, чтобы принести мне обычный тюремный кофе. Я видела, как он поднял кофейник и поднес к носу, чтобы понюхать. Поморщился и вылил все в раковину. Наполнил его водой, одновременно подливая кому-то пива, и стал варить новый кофе, одновременно рассчитываясь с кем-то, еще и улыбаясь - достаточно в меру, но не слишком.

Я никогда не видела, чтобы кто-то двигался так плавно и ловко, как будто у него семь рук и три мозга и все работали одновременно. Когда смотришь на то, как кто-то хорошо делает свое дело, тебя буквально завораживает.

А я не знаю, что я делаю хорошо. Не знаю, есть ли в этом мире хоть что-нибудь, что я могла бы делать так, словно это не требует усилий.

Есть вещи, которые я хотела бы делать хорошо. Я хотела быть хорошей матерью. Всем своим будущим детям, но особенно дочке, той, что я уже принесла в этот мир. Я бы хотела сад, чтобы сажать в нем всякое. То, что росло бы и не умирало. Я хотела бы научиться говорить с людьми так, чтобы не жалеть тут же о каждом сказанном слове. Хотела бы что-то чувствовать, когда парень обнимает меня за талию. Хотела бы жить хорошо. Хотела бы, чтобы это казалось легким и без усилий, но до сих пор мне удалось только сделать все в своей жизни настолько сложным, что в этом почти невозможно разобраться.

Закончив приготовление, бармен подошел ко мне. Пока он наливал кофе в кружку, я смотрела на него, наконец по-настоящему понимая, что же вижу. Он был красив в том смысле, что девушка, которая пытается вернуть себе опеку над своей дочерью, должна держаться от такого подальше. Его глаза явно кое-что повидали, а руки наверняка кое-кому да врезали.

Волосы у него были такими же текучими, как и движения. Длинные темные пряди, спадающие на глаза и двигающиеся в ту же сторону, что и он сам. Он не коснулся своих волос ни разу за все время, что я тут сидела. Он позволял им делать, что хотят, и только иногда слегка встряхивал головой – такое мимолетное движение, – и волосы ложились так, как он хотел. Такие густые ладные пряди, волосы-в-которые-хочется-запустить-руки.

Моя кружка уже наполнилась, но он поднял палец и сказал: «Секунду». Развернулся, открыл маленький холодильник, вынул пакет цельного молока и налил немного мне в кофе. Поставил пакет обратно, открыл другой холодильник – сюрприз, взбитые сливки. Протянул руку куда-то назад и достал оттуда вишенку, которую осторожно водрузил поверх моего напитка. Пододвинул кружку поближе ко мне и сделал руками пассы, словно колдуя.

– Карамели нет, – сказал он. – Это лучшее, что я могу, раз уж у нас тут не кофе-шоп.

Наверное, он думал, что просто готовит навороченный напиток для избалованной девицы, привыкшей каждый день пить кофе за восемь долларов. Он даже не представлял, как давно я не пила приличного кофе. Даже в те

месяцы, что я провела на временном содержании, нам давали тюремный кофе для тюремных девиц с тюремным прошлым.

– Я могу расплакаться.

Я и расплакалась.

Как только он отошел в другой конец бара, я отпила свой кофе, закрыла глаза и заплакала, потому что жизнь может быть очень жестокой и несправедливой, и я уже много раз хотела покончить с ней, но вот такие моменты напоминают мне, что счастье не какая-то постоянная штука, которой мы все хотим добиться, а нечто мимолетное, которое появляется то здесь, то там, иногда крошечными дозами, и даже этого бывает вполне достаточно, чтобы продолжать.

4

Леджер

Я знаю, что делать, когда плачет ребенок, но что делать с плачущей взрослой женщиной, не знал. Так что я старался держаться как можно дальше от нее, пока она пила свой кофе.

С тех пор как она вошла сюда час назад, я узнал про нее немного, но одну вещь я понял точно – она пришла не для того, чтобы с кем-то встретиться. Она пришла ради одиночества. За этот час к ней попытались подойти три человека, и она спровадила их, даже не поднимая на них взгляда.

Она молча допила кофе. Было только семь вечера, так что она вполне могла перейти к крепким напиткам. Но я почему-то надеялся, что она не станет. Я был заинтригован, почему она пришла в бар и заказала то, что мы редко тут подаем, а потом отказала мужчинам, даже не взглянув на них.

Мы с Романом работали тут вдвоем, пока не придут Мэри Энн и Рейзи. Бар понемногу наполнялся, и я не мог уделять ей столько внимания, сколько хотел бы, то есть все. И я старался отвлекаться настолько, чтобы ей не показалось, что

я собираюсь занять ее территорию.

Едва она допила кофе, мне захотелось спросить, что ей принести, но я заставил ее просидеть над пустой чашкой добрых минут десять. А может, и все пятнадцать, до того как снова подошел к ней.

Занимаясь своими делами, я исподтишка посматривал на нее. Ее лицо казалось настоящим произведением искусства. Мне бы хотелось, чтобы ее портрет висел на стене где-нибудь в музее и я мог бы стоять и смотреть на него столько, сколько хочу. Но вместо этого я украдкой поглядывал в ее сторону, восхищаясь тем, насколько те же самые черты, что составляют все лица в мире, на этом лице выглядят гораздо лучше.

Люди редко приходят в бар в начале выходных так небрежно одетыми, но она совершенно не принарядилась. Она надела выцветшую футболку и джинсы, но зеленый цвет настолько безупречно подчеркивал зелень ее глаз, словно она долго подыскивала майку безупречного оттенка, хотя я был совершенно уверен, что она вообще об этом не думала. Ее волосы были темно-рыжими. Ровного, яркого цвета. Одной длины, точно до подбородка. Она то и дело запускала в них руку, и всякий раз, как это происходило, казалось, что она сейчас сложится пополам. И от этого мне хотелось выйти из-за стойки, поднять ее со стула и обнять.

Что с ней?

Я не хотел этого знать.

Мне не нужно этого знать.

Я не встречаюсь с девушками, которые приходят в мой бар. Я дважды нарушал это правило, и дважды от этого получался один только геморрой.

Кроме того, в этой девушке было нечто пугающее. Я не мог определить, что именно, но, когда я разговаривал с ней, слова застревали у меня в глотке. И не потому, что она так уж потрясла меня, нет, возникало нечто неуловимое, как будто мой мозг предупреждал меня не связываться с ней.

Красный флаг! Опасность! Прекрати!

Но почему?

Когда я протянул руку за ее кружкой, мы встретились взглядами. Она сегодня больше ни на кого не посмотрела. Только на меня. Я должен был бы быть польщен, но меня это напугало.

Я профессионально играю в футбол и владею баром, но меня испугал взгляд хорошенькой девушки. Это достойно описания в «Тиндере». Играет за «Бронко». Владеет баром. Боится взглядов.

- Что-нибудь еще? - спросил я.

- Вина. Белого.

Не так легко владеть баром и оставаться трезвым. Я бы хотел, чтобы все были трезвыми, но мне нужны клиенты. Я налил бокал вина и поставил перед ней.

Я остался неподалеку, притворяясь, что вытираю бокалы, причем сухие со вчерашнего дня. Я заметил, как она медленно сглотнула, глядя на бокал, как будто ощущала неуверенность. Этого краткого мига колебания или сожаления хватило, чтобы я подумал, что у нее, наверное, проблемы с алкоголем. Я всегда могу сказать, что люди борются за трезвость по тому, как они смотрят на свой стакан.

Алкоголикам трудно пить.

Но она не пригубила вино. Она понемногу пила колу, пока та не кончилась. Я протянул руку за пустым стаканом одновременно с ней.

Когда наши пальцы соприкоснулись, я ощутил, что у меня в груди застряло еще что-то, кроме слов. То ли несколько ударов сердца. То ли начинающееся извержение вулкана.

Ее пальцы оторвались от моих, и она опустила руки на колени. Я забрал у нее пустой стакан от колы и полный стакан вина, а она даже не взглянула, не

спросила зачем. Только вздохнула, словно испытала облегчение, что я убрал вино. Зачем тогда она его заказала?

Я снова налил ей колы и, пока она не смотрела, вылил вино в раковину и ополоснул бокал.

Она отхлебнула колы, но больше не смотрела на меня. Может, я огорчил ее.

Роман заметил, как я смотрю на нее, оперся локтем о стойку и спросил:

– Развод или смерть?

Роман любит угадывать, почему люди приходят в одиночестве и выглядят так, словно они не в себе. Но не было похоже, что эта девушка пришла сюда из-за развода. Обычно женщины отмечают это, приходя в бар с толпой подруг, обмотанных лентами с надписью «Бывшая».

Девушка выглядела печальной, но не настолько, чтобы это можно было назвать скорбью.

– Думаю, все же развод, – сказал Роман.

Я не ответил. Мне казалось неправильным угадывать причину ее печали, я надеялся, что это не развод, не смерть и даже не неудачный день. Мне хотелось ей только хорошего, потому что, казалось, у нее давным-давно не бывало ничего хорошего.

Занявшись другими посетителями, я перестал смотреть на нее. Я так поступил, чтобы не мешать ей, но она использовала эту возможность, чтобы оставить на стойке деньги и ускользнуть.

Я несколько секунд смотрел на пустой барный стул и десятку чаевых. Она ушла, а я не знаю ее имени, ее историю, не знаю, увижу ли ее снова, и вот он я – кинулся через весь бар, насквозь, в главный выход, через который она только что вышла.

Когда я выбежал на улицу, небо полыхало. Я прикрыл глаза ладонью, забыв, каким ярким бывает свет, если выйти из бара до наступления темноты.

Когда я заметил ее, она обернулась. Она стояла метрах в пяти от меня. Она не заслоняла глаз, потому что солнце светило за ее спиной, освещая ее голову, точно нимбом.

– Я оставила деньги на стойке, – сказала она.

– Знаю.

Мы молча смотрели друг на друга. Я не знал, что сказать. Просто стоял там как дурак.

– Тогда что?

– Ничего, – сказал я. Но тут же пожалел, что не сказал Все.

Она смотрела на меня. Я никогда так не делаю, я не должен так делать, но я знал, что если дам ей уйти, то не смогу перестать думать о печальной девушке, оставившей мне десятку, хотя мне казалось, что она вообще не может позволить себе чаевые.

– Вы должны вернуться сюда в одиннадцать.

Я не дал ей шанса отказать мне, объяснить, почему она не может этого сделать. Я вернулся в бар, надеясь, что мое требование заинтересует ее достаточно, чтобы она вернулась вечером.

Я сидела на надувном матрасе, держа своего безымянного котенка и перечисляя себе все причины, по которым не должна возвращаться в тот бар.

Я вернулась сюда не для встреч с парнями. Даже такими красивыми, как этот бармен. Я тут ради своей дочери – и все.

Завтра важный день. Завтра мне нужно быть сильной, как Геркулес, но этот бармен, убрав мое вино, нечаянно заставил меня ощутить слабость. Уж не знаю, что такое он разглядел в моем лице, что заставило его забрать мой бокал. Я не собиралась пить вино. Я заказала его, только чтобы посмотреть на него и ощутить аромат, а потом уйти, чувствуя себя сильнее, чем в ту минуту, когда я пришла.

А теперь я нервничала, потому что он заметил, как я смотрела на вино, и по тому, как он забрал бокал, было понятно – он решил, что у меня проблемы с алкоголем.

Но нет. Я много лет не притрагивалась к спиртному, потому что всего один вечер выпивки, смешанной с трагедией, разрушил последние пять лет моей жизни, и эти годы привели меня обратно в этот город. А здесь мне не по себе, и успокоить себя я могу единственным способом – постараться вести себя так, чтобы чувствовать, что все еще контролирую свою жизнь и свои поступки.

Вот почему я не собиралась пить это вино, черт побери.

Теперь я буду плохо спать ночью. Я просто не могу считать, что контролирую события, потому что он заставил меня почувствовать себя ровно наоборот. Если я хочу хорошо выспаться, мне нужно снова отказаться от чего-либо, чего мне хочется.

Или кого-либо.

Я очень-очень давно никого не хотела. С тех пор, как встретила Скотти. Но бармен был крутым, и у него отличная улыбка, и он варил прекрасный кофе, и он уже пригласил меня вернуться, так что очень даже просто прийти – и отказать ему.

И тогда я хорошо высплусь и буду готова утром встать и встретить самый важный день в своей жизни.

Я пожалела, что не могу взять с собой котенка. Поддержка мне не помешала бы, но котик спал на новой подушке, которую я уже купила.

Я купила немного. Надувной матрас, пару подушек и простыней, сыра и крекеров, корм и наполнитель для котенка. Я решила, что буду жить в этом городе только временами. Пока я не буду знать, что принесет завтрашний день, нет смысла тратить деньги, которые я зарабатывала и копила целых полгода. У меня и так уже осталось немного, и поэтому я решила не вызывать такси.

Я вышла из квартиры, чтобы пойти в бар пешком, но на сей раз не взяла с собой ни сумку, ни блокнот. Мне понадобятся только права и ключ от квартиры. От нее до бара километра три, но дорога хорошо освещена, а погода хорошая.

Я немного беспокоилась, что кто-нибудь сможет узнать меня в баре или даже по дороге туда, но я выглядела совершенно не так, как пять лет назад. Раньше я сильнее беспокоилась о своей внешности, но пять лет тюрьмы научили меня не переживать из-за краски для волос, накладных ресниц и искусственных ногтей.

Я не прожила в этом городе достаточно времени, чтобы подружиться с кем-нибудь, кроме Скотти, так что навряд ли меня могут тут узнать много людей. Конечно, они знали, кто я, но, когда по тебе никто не скучал, трудно ожидать, чтобы тебя узнавали на улице.

Конечно, Патрик и Грейс могли бы узнать меня, если бы увидели, но я встречалась с ними только один раз до того, как попасть в тюрьму.

Тюрьма. Я никогда не привыкну к этому слову. Его так трудно произносить вслух. Когда пишешь буквы одну за другой на бумаге, они не выглядят так ужасно. Но когда произносишь вслух «тюрьма», это какой-то кошмар.

Когда я думаю о том, где провела последние пять лет, я предпочитаю называть это про себя – заведение. Или я думаю об этом времени – Когда меня тут не было – как-то так. Я никогда не привыкну говорить «Когда я была в тюрьме».

Но на этой неделе, когда я стану искать работу, мне придется сказать это. Меня спросят: «Вас когда-нибудь осуждали за преступления?» И мне придется отвечать: «Да, я провела пять лет в тюрьме за непредумышленное убийство».

И они либо наймут меня на работу, либо нет. Скорее всего, нет.

Для женщин даже там, за решеткой, существуют двойные стандарты. Когда женщина говорит, что сидела в тюрьме, люди сразу думают дрянь, шлюха, наркоманка, воровка. А когда мужчина говорит, что был в тюрьме, к этим отрицательным качествам сразу добавляются какие-то символы крутизны типа дрянь, но крутой, наркоман, но классный, вор, но симпатичный.

Да, у мужика тоже остается стигма, но женщине никогда не удастся обрести и стигму, и символ крутизны.

Судя по часам на здании ратуши, я вернулась в центр города в одиннадцать тридцать. Надеюсь, он еще будет там, хоть я и опоздала на полчаса.

Днем я не обратила внимания на название бара, возможно, потому что было светло и я удивилась, что это больше не книжный. Но там, над дверью, висела небольшая неоновая вывеска «У Уарда».

Я помедлила, прежде чем зайти. Мое возвращение так или иначе подаст этому парню сигнал. А я вовсе не уверена, что хочу его подавать. Но альтернатива-то одна: возвращаться обратно в эту квартиру и оставаться наедине со своими мыслями.

А я за последние пять лет провела достаточно времени с ними наедине. Я тосковала по людям, и шуму, и всему тому, чего у меня не было, а моя квартира немного напоминала мне тюрьму. Там тоже было тихо и одиноко.

Я открыла дверь бара. Там было громче, темнее и больше накурено, чем раньше. Пустых мест не оказалось, так что я протолкалась сквозь толпу, нашла туалет, подождала в коридоре, подождала снаружи, еще потолкалась. Наконец, один из столиков освободился. Я прошла через зал и села там одна.

Я смотрела, как бармен скользит за стойкой. Мне нравилось, каким он казался беззаботным. Двое парней начали ссору, но он нисколько не взволновался – просто указал им на дверь, и они вышли. Он часто так делал. Просто указывал на что-то, и люди делали то, что он им указывал.

Глядя на другого бармена, он указал на двух посетителей. Бармен подошел и рассчитался с ними.

Он указал на пустую полку, одна из официанток кивнула, и через несколько минут полка была заполнена.

Он указал на пол, и второй бармен исчез за дверью, появился со шваброй и вытер пролитое.

Он указал на крючок на стене, и другая официантка, беременная, беззвучно выговорила «спасибо», повесила туда фартук и ушла домой.

Он указывал, и люди делали, и вот наконец прозвенел звонок, и пришло время закрытия. Люди стали уходить. Никто больше не заходил сюда.

Он не взглянул на меня. Ни разу.

Я стала сомневаться, зачем пришла. Он казался занятым, может быть, я его не так поняла. Я просто решила, что, когда он сказал мне вернуться сюда, он что-то имел в виду, но, может быть, он говорит так всем посетителям.

Я поднялась, думая, что мне, вероятно, тоже стоит уйти, но когда он увидел это, то указал мне. Простое движение пальца, показывающее, чтобы я села, – и я села.

Я порадовалась, что интуиция меня не подвела, но чем меньше народу оставалось в баре, тем больше я нервничала. Он считает, что я взрослая женщина, но я не ощущала себя взрослой. Я – двадцатилетний подросток, неопытный, начинающий все сначала.

Может, я и не права, раз пришла сюда. Думала, просто приду, пофлиртую с ним и потом уйду, но он был большим соблазном, чем самый навороченный кофе. Я

пришла, чтобы отказать ему, но представления не имела, что он будет указывать тут весь вечер и что он будет указывать мне. Я не знала, что это так сексуально.

Интересно, пять лет назад я бы тоже так подумала или теперь любой мужчина может настолько легко понравиться мне?

К полуночи нас осталось только двое. Все остальные ушли, дверь заперли, он нес на кухню поднос с пустыми стаканами.

Я подтянула к себе колени и обхватила их руками. Я нервничала. Я приехала в этот город не затем, чтобы встретить парня. У меня гораздо более важная цель. А он, похоже, может сбить меня с пути, только указав пальцем.

Но я же только человек. Людям нужна компания, и, хоть я и вернулась в этот город не ради встреч с другими людьми, на этого парня трудно было не обратить внимания.

Он вышел из двери уже по-другому одетый. На нем больше не было бордовой рубашки с воротником и закатанными рукавами, как на других работниках. Он надел белую футболку. Так просто – и так изысканно.

Он улыбнулся, подойдя ко мне, и я почувствовала, как от этой улыбки мне стало тепло, словно меня укрыли одеялом.

– Ты вернулась.

Я постаралась казаться невозмутимой.

– Ну, ты же просил.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо.

Он провел рукой по волосам, откидывая их назад и глядя на меня. Он выглядел довольно воинственно, и, хоть я и не Швейцария, все равно подошел ко мне. И

сел рядом. Совсем рядом. Мое сердце часто забилося, даже чаще, чем когда Скотти много лет назад подошел к моей кассе в четвертый раз подряд.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Я не хотела, чтобы он знал мое имя. С виду ему было столько же лет, сколько могло бы исполниться Скотти, будь он жив. Это означало, что он может узнать мое имя или меня или помнить, что тогда случилось. Я не хотела, чтобы меня кто-то знал, или вспомнил, или предупредил Ландри, что я приехала сюда.

Это не маленький, но и не такой уж огромный город. Мое присутствие недолго останется незамеченным. Но мне нужно пробыть незамеченной достаточно долго, так что я немного соврала и назвалась ему своим средним именем.

– Николь.

Я не спросила, как зовут его, потому что мне все равно. Мне это не понадобится. Я никогда больше сюда не вернусь.

Нервничая от такой близости к кому-то другому, я начала теревить прядь своих волос. Мне казалось, я совсем забыла, что надо делать, и у меня вырвалось то, что я пришла сказать:

– Я не собиралась его пить.

Он наклонил голову, не понимая, о чем я, и я пояснила:

– Вино. Иногда я... – я помотала головой. – Это глупо, но я так делаю, специально заказываю спиртное, чтобы не пить его. У меня нет проблемы с алкоголем. Наверное, это больше про контроль. Так я чувствую себя менее слабой.

Он скользнул взглядом по моему лицу с легким намеком на улыбку.

– Это я уважаю, – сказал он. – Я и сам редко пью по схожим причинам. Я каждый вечер среди пьющих людей, и чем больше я нахожусь с ними, тем меньше мне этого хочется.

– Бармен, который не пьет? Это редкость, верно? Я думала, бармены склонны к алкоголизму больше других. Легкий доступ.

– Это на самом деле строители. Что тоже не добавляет мне очков. Я уже несколько лет строю дом.

– Да, ты, похоже, готов к неудаче.

Он улыбнулся.

– Похоже на то. – Он откинулся на спинку скамьи поглубже. – А чем ты занимаешься, Николь?

В этот момент я должна была уйти. Прежде чем он спросит еще о чем-то, до того, как я скажу что-то лишнее. Но мне нравился его голос, и он сам, и мне казалось, что здесь я отвлекаюсь, а мне так нужно отвлечься. Я только не хотела разговаривать. Разговоры в этом городе не доведут меня до добра.

– Ты действительно хочешь знать, чем я занимаюсь? – Я считала, что он предпочел бы просто запустить руку мне под юбку, чем слушать, что там девушка может сказать в такой момент. И поскольку я не хотела признаваться в том, что не работаю, потому что пять лет просидела в тюрьме, то скользнула ему на колени.

Он удивился, как будто и в самом деле собирался сидеть тут и болтать со мной целый час подряд.

Потом выражение его лица сменилось с легкого шока на принятие. Его руки легли мне на бедра, и он сжал их. По всему моему телу пробежала дрожь.

Он притянул меня поближе, чтобы я ощутила его сквозь джинсы, и я вдруг засомневалась, что смогу уйти, как считала всего пять минут назад. Я думала, что смогу поцеловать его, а потом пожелать ему доброй ночи и гордо уйти домой. Я только хотела почувствовать себя немного сильнее перед завтрашним днем, но теперь, когда он проводил пальцами по коже у меня на талии, это делало меня все слабее и слабее и, черт, совершенно бездумной. Не бездумной, словно мне плевать, а бездумной, как будто у меня в голове пустота, а в груди

росло ощущение, как будто во мне разгорается огненный шар.

Его правая рука скользнула по моей спине, и я ахнула, потому что ощутила, как меня охватил какой-то непонятный поток. Теперь он прикасался к моему лицу, водил пальцем по скулам, легонько трогал губы кончиками пальцев. И смотрел на меня, как будто пытался сообразить, откуда он меня знает.

А может, это все моя паранойя.

– Кто же ты? – прошептал он.

Я уже говорила ему это, но все равно повторила мое среднее имя:

– Николь.

Он начал было улыбаться, но потом, перестав, ответил:

– Я знаю твое имя. Но откуда ты? Почему мы никогда раньше не встречались?

Мне не хотелось этих расспросов. У меня не было честных ответов на них. Я подвинулась ближе к его губам. – А кто ты?

– Леджер, – ответил он, и тут же разорвал надвое мое прошлое, вытащил то, что еще оставалось от моего сердца, бросил на пол и поцеловал меня.

Говорят «упасть в любовь», но, если подумать, упасть – такое грустное слово. Падать плохо. Можно упасть на пол, упасть на спину, упасть до смерти.

Кто бы ни был тот первый человек, сказавший «упасть в любовь», он, должно быть, из нее выпал. Иначе бы он назвал это как-нибудь получше.

Скотти сказал мне, что любит меня, где-то посередине наших отношений. В тот вечер я должна была в первый раз встретить его лучшего друга. Я уже познакомилась с его родителями, и он был в восторге, но не в таком, как сейчас, когда он собирался представить меня своему лучшему другу, которого считал братом.

Но этой встречи так и не случилось, я уже не помню почему. Это было давно. Его друг не смог прийти, и Скотти огорчился, так что я испекла ему печенье, мы выкурили косяк, и я утешила его. Я была лучшей на свете подружкой.

Пока не убила его.

Но это было за три месяца до его смерти, и в тот вечер он, хоть и грустил, был очень даже живым. У него билось сердце, стучал пульс, вздымалась грудь, а в глазах стояли слезы, когда он сказал: Черт, Кенна, я люблю тебя. Люблю больше, чем кого-либо на этом свете. Я всегда скучаю по тебе, даже когда мы вместе.

Я помню это. Я всегда скучаю по тебе, даже когда мы вместе.

Я думала, это единственное, что я запомнила из того вечера, но я ошибалась. Я запомнила кое-что еще. Имя. Леджер.

Лучший друг, который так и не пришел. Лучший друг, которого я так и не встретила.

Лучший друг, который только что засунул язык мне в рот, руку мне под майку и свое имя мне в грудь.

6

Леджер

Яне понимаю, как устроено влечение.

Что, что привлекает людей друг к другу? Почему десятки женщин еженедельно входят в двери этого бара и мне даже не хочется лишний раз посмотреть на них? Но потом появляется эта девушка, и я не могу оторвать от нее своих чертовых глаз.

А теперь и губ не мог от нее оторвать.

Не знаю, почему и для чего я нарушил свое же собственное правило «никаких шашней с клиентами». Но что-то в ней говорило, что у меня единственный шанс. Я чувствовал, что она в городе проездом либо не собирается возвращаться сюда. А сегодняшний вечер стал исключением из ее привычного образа жизни, и если я упущу сейчас возможность, то буду жалеть об этом до самой старости.

Она казалась тихоней, но не из тех стеснительных тихонь. Она была тихой, как пламя, как шторм, что подбирается к тебе, а ты не замечаешь этого до тех пор, пока не начнешь до костей дрожать от грома.

Она была молчаливой, но все равно сказала достаточно, чтобы мне захотелось услышать остальное. На вкус она была, как яблоки, хоть раньше и пила кофе, а яблоки – мои любимые фрукты. А теперь вообще, наверное, моя любимая пища. Точка.

Мы целовались уже несколько секунд, и, несмотря на то что она сделала первый шаг, она все еще казалась изумленной тем, что мои губы касаются ее губ.

Может, она хотела, чтобы я подождал с этим немного дольше, а может, не ожидала, что это окажется вот так – надеюсь, она чувствует то же самое, – думаю, она тихонько ахнула перед нашим поцелуем не потому, что не хотела этого.

Она немного нерешительно отстранилась, но потом, казалось, что-то решила и снова подвинулась ко мне, и поцеловала снова, с большей решимостью.

Но эта решимость тоже исчезла. Слишком быстро. Она снова отстранилась, и на сей раз у нее в глазах читалось сожаление. Она быстро замотала головой и уперлась руками мне в грудь. Я накрыл ее ладони своими, и она прошептала: «Прости».

Соскользнув с меня так, что ее бедро задело мою ширинку, отчего я затвердел еще сильнее, она вышла из-за столика. Я поймал ее за руку, но ее пальцы скользнули по моим, и она отошла еще дальше.

– Я не должна была приходить.

Она отвернулась от меня и направилась к двери.

Я опешил.

Я не успел запомнить ее лицо и не мог допустить мысли, что она уходит без меня, не успел как следует запомнить форму ее губ, которые только что касались моих.

Я оттолкнул стол и пошел за ней.

Она не могла открыть дверь. Дергала ручку и толкала ее, как будто хотела убежать от меня как можно быстрее. Я хотел попросить ее остаться, но и хотел помочь ей уйти, так что открыл верхний замок и толкнул ногой дверь, откинув защелку нижнего. Дверь распахнулась, и она вылетела наружу.

Глубоко вздохнув, она повернулась и поглядела на меня. Я впился глазами в ее рот, жалея, что не обладаю фотографической памятью.

Ее глаза больше не были цвета ее майки. Теперь они стали светлее, потому что наполнились слезами. И снова я не знал, что делать. Я никогда не видел девушки, которая за такое короткое время оказалась бы везде, но при этом без малейшей навязчивости. Каждое ее движение, каждое чувство производило впечатление, что ей хотелось бы взять их обратно и спрятать.

Она казалась смущенной.

Она тяжело дышала, пытаясь вытереть слезы, которые собирались у нее в глазах, и поскольку я не знал, что надо сказать, то просто обнял ее.

Ну что я еще мог поделать?

Я прижал ее к себе, и она на секунду замерла, но потом, почти сразу, подалась ко мне, вздохнув, и расслабилась.

Мы стояли там только вдвоем. Было после полуночи, все остальные уже спали по домам, смотрели кино, занимались любовью. А я стоял на главной улице города, прижимал к себе очень печальную девушку, думал, почему же она так печальна,

и хотел, чтобы она не казалась мне такой прекрасной.

Ее лицо прижималось к моей груди, руки крепко обнимали меня за талию. Ее лоб приходился как раз на высоту моих губ, но она наклонила голову, и я касался подбородком ее макушки.

Я погладил ее руки.

Мой грузовик стоял за углом. Я всегда паркуюсь там, в проезде, но она была расстроена, и мне не хотелось вести ее за собой, когда она плачет. Я прислонился к столбу навеса и привлек ее к себе.

Прошло минуты две, может, три. Она не отпускала меня. Она прижималась ко мне, впитывая то утешение, которое давали ей мои руки, и грудь, и плечи. Я гладил ее по спине вверх и вниз, а мой голос все еще не мог вырваться у меня из гортани.

С ней было что-то не то, что-то не так. Я даже не знал, хочу ли знать об этом, но что-то такое было. И я не мог просто бросить ее на улице и уехать прочь.

Я думал, что она перестала плакать, когда она вдруг сказала:

– Мне надо домой.

– Я подвезу тебя.

Она замотала головой и отстранилась от меня. Я придержал руками ее ладони и заметил, что она, сложив руки на груди, двумя пальцами коснулась моей правой кисти. Очень быстрое движение, но неслучайное, словно она хотела еще раз дотронуться до меня на прощание.

– Я живу недалеко. Я пройду.

Если она собралась идти пешком, она ненормальная.

– Слишком поздно, чтобы ходить одной. – Я указал в проезд. – Мой грузовик тут в пяти метрах.

По понятным причинам она немного помедлила, но потом, взяв мою протянутую руку, пошла со мной за угол. Увидев мой грузовик, она остановилась. Я обернулся – она озабоченно смотрела на него.

– Если хочешь, могу вызвать тебе «Убер». Но клянусь, я просто хотел подвезти тебя домой. Никаких ожиданий.

Она смотрела куда-то себе под ноги, но шла за мной в сторону грузовика. Я открыл ей пассажирскую дверь. Забравшись в кабину, она не смотрела вперед. Она продолжала смотреть на меня, а ее ноги мешали мне закрыть дверцу. Она глядела так, словно что-то разрывало ее. Ее брови были изломаны. Не думаю, что когда-нибудь видел кого-то в такой печали.

– Ты в порядке?

Откинув голову на спинку сиденья, она взглянула на меня.

– Буду в порядке, – тихо сказала она. – Завтра у меня важный день. Я просто волнуюсь.

– А что будет завтра? – спросил я.

– У меня будет важный день.

Она явно не собиралась откровенничать, и я кивнул, уважая ее скрытность.

Она сосредоточилась на моей руке. Коснулась края моего рукава, и я положил руку ей на колено, потому что мне хотелось коснуться ее, и колено казалось наиболее безопасным местом, пока она не даст мне понять, где именно ей нужна моя рука.

Я не понимал, что ей нужно. Большая часть людей приходит в бар, ясно обозначая свои намерения. Сразу можно сказать, кто пришел, чтобы завязать знакомство, а кто – чтобы подраться.

А эту девушку я не понимал. Казалось, она случайно открыла дверь бара и оказалась там, совершенно не зная, чего ей хочется сегодня вечером.

Может, она просто хотела провести со мной сегодняшний вечер и оказаться сразу в завтрашнем дне с тем важным делом, которое ее ожидало.

Я ждал, что она подскажет мне, что я должен для нее сейчас сделать. Я собирался отвезти ее домой, но она не смотрела вперед. Вроде бы ей хотелось, чтобы я снова поцеловал ее. Но мне не хотелось, чтобы она снова заплакала. Но мне хотелось снова поцеловать ее.

Я коснулся ее лица, и она прижалась к моей руке. Я все еще не был уверен, что ей хорошо, и помедлил, пока она не потянулась ко мне. Я встал у нее между ног, и она обхватила коленями мои бедра.

Я понимаю намеки.

Я скользнул языком по ее губам, и она втянула меня в себя, сладко выдохнув мне в рот. Она все еще была яблочной на вкус, но ее рот стал солонее, а язык – настойчивее. Она отдалась моему поцелую, и я вжался в грузовик, в нее, и она медленно откинулась на сиденье, увлекая меня за собой. Я наклонился над ней, стоя у нее между ног, прижимаясь к ней.

То, как она втягивала в себя воздух, не прерывая поцелуя, сводило меня с ума.

Она направила мою руку себе под майку, и я обхватил ее грудь, а она закинула на меня ноги, и мы катались туда-сюда, словно чертовы старшеклассники, которым больше некуда пойти.

Мне хотелось затащить ее обратно в бар и сорвать с нее одежду, но это было бы слишком. Нечто большее было бы слишком. Для нее. А может, и для меня. Не знаю, но я просто чувствовал, что ее губ и грузовика пока достаточно.

Спустя минуту я оторвался от нее настолько, чтобы увидеть среди темноты, что ее глаза закрыты, а губы раскрыты. Я продолжал ритмично прижиматься к ней, а она поднимала бедра мне навстречу, и, готов поклясться, даже в одежде этого оказалось достаточно, чтобы начался пожар. Ее бедра были такими жаркими, и я

не мог остановиться. Не думаю, что и она могла. Мы бы просто свели друг друга с ума, если бы не нашли способа стать еще ближе друг к другу – ну или прекратить все полностью.

Я бы пригласил ее к себе домой, но родители были в городе, а к этой парочке я никого и близко не подпущу.

– Николь, – прошептал я. Мне было неловко даже думать об этом, я не могу валяться с ней тут, в проезде, как будто она недостойна нормальной постели. – Мы можем вернуться в бар.

Она замотала головой.

– Нет. Мне нравится твой грузовик. – И снова поймала губами мои губы.

Ну, если ей нравится мой грузовик, то я его обожаю. Мой грузовик сейчас – второе самое любимое мое место в этом мире.

А первое – ее рот.

Она подвела мою руку к молнии своих джинсов, и я, подчиняясь, расстегнул их, не отрывая языка от ее рта. Я засунул руку в ее джинсы и коснулся пальцами трусиков. Она застонала, и это прозвучало так громко в тишине спящего города.

Я сдвинул трусики набок и был встречен гладкостью кожи, теплом и стоном. Делая вдох, я ощущал дрожь собственного дыхания.

Я зарылся лицом в ее шею, и тут нас осветили фары.

– Черт. – Грузовик стоял в боковом проезде, но нас все равно могли заметить с улицы. И мы внезапно вернулись в реальность. Я вытащил руку из ее джинсов, и она застегнула их. Я помог ей сесть, и она начала поправлять волосы, глядя перед собой.

Я закрыл дверцу и обошел грузовик. Машина подъехала, притормозила и остановилась прямо у начала проезда. Я взглянул на нее – это была патрульная машина Грэйди. Он опустил окно, и я подошел к его машине.

– Долгий вечер? – спросил он, наклоняясь на пассажирское сиденье, чтобы лучше увидеть меня с водительского места.

Я оглянулся на Николь в кабине и снова посмотрел на него.

– Ну да. Только закрыл. Ты до утра?

Он приглушил радио.

– Уитни взяла еще дежурство в госпитале, так что я пока буду по ночам. Мне нравится. Все спокойно.

Я постучал по капоту и отошел.

– Рад слышать. Пойду. Увидимся завтра?

Грэйди заметил, что что-то происходит. Обычно я не так быстро сворачиваю беседу. Он наклонился вперед, оглядываясь по сторонам и пытаясь разглядеть, кто у меня в грузовике. Шагнув вправо, я перекрыл ему обзор.

– Доброй ночи, Грэйди. – И указал ему на дорогу, давая понять, что он может продолжить патрулирование.

Он ухмыльнулся.

– Ага. И тебе.

Я не пытался ее спрятать. Но я просто знаю, что жена Грэйди – сплетница, а мне не хотелось завтра же стать предметом всеобщих обсуждений.

Я забрался в кабину. Она сидела, подняв ноги на панель, и смотрела в окно, избегая встречаться со мной взглядом. Мне не хотелось, чтобы она испытывала неловкость. Это последнее, чего я хотел. Я наклонился к ней и заправил ей за ухо прядь волос.

– Все нормально?

Она кивнула, но кивок получился вымученным. И улыбка тоже.

– Я живу возле «Сефко».

Это была заправка почти в четырех километрах отсюда. Она говорила, что живет близко, но четыре километра ночью – это совсем не близко.

– «Сефко», которая на Бельвью?

Она пожала плечами.

– Наверное. Я не знаю названий всех улиц. Я только сегодня туда переехала.

Тогда понятно, почему я ее не знаю. Мне хотелось спросить что-то вроде Откуда ты? Что привело тебя сюда? Но я не сказал ничего такого, потому что мне показалось, она не хочет ничего этого слышать.

Четыре километра без пробок – это всего пара минут, а пара минут длится совсем недолго, но они могут показаться вечностью, если ты в грузовике с девушкой, которую почти трахнул. И это не был бы хороший перетрах. Это почти наверняка был бы быстрый, липкий, ничего-хорошего-для-нее-не-представляющий перетрах.

Я хотел извиниться, но не был уверен, за что именно, и мне не хотелось, чтобы она обо всем этом жалела. Я-то жалел только о том, что везу ее домой, а не к себе.

– Я живу здесь, – сказала она, указывая на «Райские апартаменты».

Я нечасто бываю в этой части города. Она в другой стороне от моего дома, и я редко езжу этой дорогой. Я искренне думаю, что это место проклято.

Я въехал на парковку и собирался выключить мотор и открыть для нее дверцу, но она выскочила из грузовика еще до того, как я повернул ключ.

– Спасибо, что подвез, – сказала она. – И... за кофе. – Она захлопнула дверцу и повернулась идти, как будто мы так сейчас и расстанемся.

Я распахнул свою дверь.

– Эй. Погоди.

Она остановилась, но не оборачивалась ко мне, пока я не догнал ее. Она стояла, обхватив себя руками, закусив губу, нервно почесывая плечо. Она посмотрела на меня.

– Можешь ничего не говорить.

– В смысле?

– Ну... Я же знаю, что это было. – Она махнула рукой в сторону грузовика. – Можешь не просить мой телефон, у меня все равно его нет.

Откуда ей знать, что это было? Я и сам этого не знаю. Мой мозг все еще пытается осознать хоть что-нибудь. Может, надо спросить у нее. А что это было? Что это значит? Оно может случиться снова?

Я шел по неизведанной территории. У меня бывали одноразовые перетрахи, но перед сексом все обсуждалось заранее. И это всегда происходило в постели или на чем-то подобном.

Но с ней все почти случилось, а потом прервалось, и не где-нибудь, а в проезде позади бара. И я чувствовал себя козлом.

Я понятия не имел, что говорить. Я не знал, куда девать руки, потому что мне хотелось обнять ее на прощание, но было похоже, что она теперь не хочет ко мне прикасаться. Я сунул руки в карманы джинсов.

– Я бы хотел снова тебя увидеть.

И это не было ложью.

Ее взгляд метнулся от меня к зданию.

– Я не... – она вздохнула, и просто сказала: – Нет, спасибо.

Она говорила так вежливо, что я даже не смог обидеться.

Я стоял перед домом и смотрел, как она уходит, пока она не поднялась по ступенькам и не вошла в подъезд, и я больше ее не видел. Но даже тогда я продолжал стоять на том же месте, потому что думал, что потрясен, или, по крайней мере, ошеломлен.

Я вообще ее не знал, но она была мне интереснее, чем все, кого я встречал. Я бы хотел расспросить ее. Она не ответила ни на один вопрос о себе, который я ей задавал. Кто она, на фиг, такая?

И почему мне кажется, что я должен узнать о ней больше?

7

Кенна

Дорогой Скотти.

Когда говорят, что мир тесен, это не шутка. Он крошечный. Малюсенький. И перенаселенный.

Рассказываю тебе все это только потому, что знаю – ты этого не сможешь прочесть, – но я увидела сегодня грузовик Леджера и думала, что разрыдаюсь.

Вообще-то я и так уже плакала, потому что он назвал свое имя, и я поняла, кто он, и целовалась с ним и чувствовала себя виноватой, и выбежала на улицу, и у меня чуть не случилась паническая атака.

Но да. Этот чертов грузовик. Не могу поверить, что он все еще ездит на нем. Я помню, как ты подъехал на нем, когда мы шли на наше первое свидание. Я еще смеялась, потому что он такой ярко-оранжевый, и не могла поверить, что кто-то может выбрать такой цвет для своей машины.

Я написала тебе больше трех сотен писем и только сегодня, перебирая их, поняла, что ни в одном нет подробностей нашей встречи. Я писала про наше первое свидание, но никогда не вспоминала о том, как мы увиделись в первый раз.

Я работала кассиром во «все-за-доллар». Это была первая работа после моего приезда сюда из Денвера. Я никого не знала, но это не важно. Я жила в новом штате, в новом городе, и никто не относился ко мне с предубеждением. Никто не знал моей матери.

Когда подошла твоя очередь, я сразу тебя даже не заметила. Я редко смотрела на покупателей, особенно на своих ровесников. Парни моего возраста до сих пор только разочаровывали меня. Я думала, может, мне просто нравятся мужчины постарше, а может, вообще женщины, потому что ни с одним парнем своего возраста не чувствовала себя хорошо. После многочисленных свистков в свой адрес и сексуальных притязаний я совершенно утратила веру в мужское население своего возраста.

В этом маленьком магазине, где все стоило доллар, люди обычно приносили на кассу полную корзинку всего. А ты отстоял очередь ради тарелки. Я еще подумала, что за человек покупает всего одну тарелку. Понятно же, что люди приглашают в гости друзей или хотя бы надеются на это. А тот, кто покупает одну тарелку, что, думает всегда есть один?

Я пробила тарелку, завернула ее, положила в пакет и протянула тебе.

Но взглянула тебе в лицо я только спустя несколько минут, когда ты снова подошел к моей кассе. Ты покупал вторую тарелку. И я как-то успокоилась за тебя. Я пробила вторую тарелку, ты дал мне доллар и какую-то мелочь, я вручила тебе пакет, и тут ты мне улыбнулся.

И в этот момент ты меня и завоевал, хотя, возможно, сам этого и не понял. От твоей улыбки меня всю охватило теплом. Это было и опасно, и утешительно, и я

не знала, что мне делать со всеми этими чувствами, и поэтому просто отвернулась.

Спустя две минуты ты снова стоял у моей кассы с третьей тарелкой.

Я пробила чек. Ты заплатил. Я завернула тарелку, вручила тебе пакет и на сей раз сказала:

- Приходите еще.

Ты усмехнулся и ответил:

- Ну, раз вы настаиваете.

Ты обошел кассу и направился к стойке с тарелками. Других покупателей не было, и я смотрела на эту стойку, пока ты не появился с четвертой тарелкой и не принес ее на кассу.

Я пробила тарелку и сказала:

- Знаете, вам необязательно покупать их по одной.

- Знаю, - ответил ты. - Но мне была нужна только одна.

- Тогда почему же вы покупаете уже четвертую?

- Потому что хочу набраться храбрости и пригласить вас куда-нибудь.

Я очень на это надеялась. Я протянула тебе пакет, ожидая, что твои пальцы коснутся моих. И они коснулись. Это получилось так, как я себе и представляла, словно наши руки были намагничены. Мне пришлось приложить усилие, чтобы убрать руку.

Я пыталась казаться безразличной к твоим ухаживаниям, потому что всегда так вела себя с мужчинами, и сказала:

– Политика нашего магазина запрещает работникам встречаться с покупателями.

В моем голосе не звучало никакой искренней убежденности, но, думаю, тебе понравилась эта игра, потому что ты сказал:

– Ладно. Дайте мне минутку, чтобы это исправить.

Ты подошел к другой кассирше, всего в нескольких метрах от меня, и я услышала, как ты говоришь:

– Будьте любезны, я хочу вернуть эти тарелки.

Кассирша разговаривала по телефону во время твоих четырех походов к моей кассе, и я не уверена, что она знала, что ты придуриваешься. Она взглянула на меня и скорчила гримаску. Я пожала плечами, как будто не знала, в чем дело и почему у этого парня четыре чека на четыре тарелки, а потом и вовсе отвернулась, чтобы обслужить нового покупателя.

Через несколько минут ты подошел к моей кассе и положил передо мной квитанцию.

– Я больше не покупатель. И что теперь?

Я взяла квитанцию, притворяясь, что внимательно ее изучаю. Потом вернула ее тебе и сказала:

– Я заканчиваю в семь.

Ты сложил квитанцию и, не глядя на меня, сказал:

– Увидимся через три часа.

Мне надо было сказать, что в шесть, потому что я ушла с работы пораньше. И провела лишний час в соседнем магазине, выбирая новый наряд. Но ты не появился даже в двадцать минут восьмого, так что я сдалась и уже шла к своей машине, когда ты влетел на парковку и тормознул прямо рядом со мной.

Опустил окно и закричал:

- Прости, что я опоздал!

Я и сама постоянно опаздывала, так что не мне было судить тебя за непунктуальность, но я уж точно осудила этот твой грузовик. Я подумала, ты или ненормальный, или слишком уж в себе уверен. Это был старый «Форд F-250». С большой двойной кабиной, самого мерзкого оранжевого цвета, какой я только видела.

- Мне нравится твоя машина. - Я не была уверена, вру я или говорю правду. Этот грузовик выглядел настолько уродливым, что я его просто возненавидела. Но именно поэтому мне даже понравилось, что ты приехал за мной на нем.

- Это не моя. Это машина моего лучшего друга. А моя в ремонте.

Я почувствовала облегчение от того, что это не твоя машина, но и некоторое разочарование, потому что цвет был такой забавный. Ты жестом пригласил меня сесть в кабину. Ты казался гордым, и от тебя пахло леденцами.

- Так ты потому и опоздал? У тебя сломалась машина?

Ты покачал головой и ответил:

- Нет. Я должен был расстаться со своей подружкой.

Я уставилась на тебя:

- У тебя есть подружка?

- Больше нет. - Ты смущенно взглянул на меня.

- Но когда ты приглашал меня, еще была?

- Да, но когда я покупал третью тарелку, то уже понял, что мне придется с ней расстаться. И давно было пора, - сказал ты. - Мы оба уже какое-то время были к

этому готовы. Просто неохота было начинать. – Ты включил поворотник, заехал на заправку и встал у колонки. – Моя мама расстроится. Она ей нравилась.

– А я обычно мамам не нравлюсь, – призналась я. Ну или, скорее, предупредила.

Ты улыбнулся.

– Это я вижу. Мамам обычно нравится видеть рядом с сыном скромных девушек. А ты слишком секси, чтобы мама не переживала.

Я не из тех, кто обижается, когда парень называет меня секси. А в тот день я долго старалась, чтобы так выглядеть. Я потратила кучу денег на лифчик и купленную полчаса назад майку с глубоким вырезом, такую, чтобы мои сиськи выглядели не хуже накладных.

Так что я оценила комплимент, хоть, может, и слегка вульгарный.

Пока ты заправлял бензином машину своего друга, я думала о скромного вида девушке, чье сердце ты только что разбил просто потому, что я согласилась пойти с тобой на свидание, и в эту минуту ощущала себя какой-то змеей.

Но, даже чувствуя себя змеей, я не собиралась никуда уползать. Мне так нравилась твоя энергия, что я собиралась обвиться вокруг тебя и никуда не отпускать.

Когда Леджер сегодня вечером проговорил мне в губы свое имя, я едва не переспросила его: «Леджер, друг Скотти?» Но этот вопрос прозвучал бы бессмысленно, потому что я и так сразу поняла, что это был твой Леджер. Ну сколько тут может быть Леджеров? Я никогда больше ни одного не встречала.

Меня переполняли вопросы, но Леджер целовал меня, и это раздирало меня изнутри, потому что мне хотелось ответить на его поцелуй, но еще больше хотелось расспросить его о тебе. Я хотела спросить: «А каким Скотти был в детстве? Что тебе нравилось в нем? А вы говорили с ним обо мне? А ты общаешься с его родителями? Ты видел мою дочку? Ты можешь помочь мне собрать все осколки моей прежней жизни?»

Но я не могла ничего сказать, потому что твой лучший друг сунул в мой рот свой обжигающе горячий язык, словно отмечая меня словом ПРЕДАТЕЛЬ.

Не знаю, почему мне казалось, что я тебя предаю. Ты умер уже пять лет назад, а я целовалась с охранником в тюрьме, так что твой поцелуй даже не был для меня последним. Но от поцелуя с охранником мне не казалось, что я тебя предаю. Может, это потому, что охранник не был твоим лучшим другом.

А может, я предательница потому, что взаправду почувствовала поцелуй Леджера. Меня всю словно покалывало, как бывало от твоих поцелуев, но сейчас еще добавлялось понимание того, что я предатель, лгунья и дрянь, потому что Леджер не знал, кто я. Леджер просто целовался с проезжей девушкой, на которую не мог перестать смотреть целый вечер.

А я целовалась с крутым барменом, чей лучший друг погиб из-за меня.

Все взорвалось. Мне казалось, я разлетаюсь на мелкие кусочки. Я позволила Леджеру трогать меня, отлично зная, что он скорее бы заколол меня, если бы знал, кто я такая. А отстраняться от его поцелуев смахивало на попытку тушить лесной пожар атомной бомбой.

Я хотела попросить прощения, я хотела убежать.

Я едва не теряла сознание, думая о том, что Леджер, наверное, знал тебя гораздо лучше, чем я. Просто ужасно, что единственный парень, с которым я заговорила в этом городе, оказался человеком, которого мне лучше бы избегать.

Но Леджер не отвернулся от меня, когда я заплакала. Он сделал то, что сделал бы ты. Он крепко обнял меня и позволил мне остаться собой, и это было приятно, потому что никто так не обнимал меня после тебя.

Я закрыла глаза и представила, что твой лучший друг был и моим другом. Что он на моей стороне. Я представила, что он обнимает меня, несмотря на то что я с тобой сделала, и что он хочет мне помочь.

А еще я позволила случиться всему этому, потому что, если Леджер все еще в этом городе и все еще ездит на той же машине, в которой мы с тобой

встретились много лет назад, это означает, что он – человек привычек. И весьма вероятно, что наша дочь – тоже одна из его привычек.

Может ли быть так, что Диэм всего в одном человеке от меня?

Если ты можешь видеть эти страницы, на которых я пишу тебе, то ты видишь и пятна от слез. Плакать, похоже, осталось единственным в жизни, что у меня получается. Плакать и принимать плохие решения.

Ну и, конечно, я еще пишу плохие стихи. Вот тебе еще одно, которое я написала в автобусе, пока ехала обратно в этот город.

Дочку свою я в руках не держала.

Запах ее я не ощущала.

Имя ее вслух не называла.

А ее мать ее вмиг потеряла.

С любовью,

Кенна.

8

Леджер

Вернувшись домой, я не стал заезжать в гараж. Диэм любит, проснувшись утром, выглянуть из окна, чтобы убедиться, что я дома, а если машина в гараже, то она огорчается, как говорит Грейс.

Я живу напротив них с тех пор, как Диэм исполнилось восемь месяцев, но, если не считать времени, когда я уезжал в Денвер, то я живу в этом доме всю жизнь.

Мои родители уже несколько лет не живут тут, даже притом что сейчас они оба спят в гостевой спальне.

Когда отец вышел на пенсию, они купили трейлер и теперь путешествуют по стране. Вернувшись, я выкупил у них дом, они погрузились в трейлер и уехали. Я думал, это продлится в лучшем случае год, но прошло уже больше четырех, и они не проявляют никакого желания останавливаться.

Если бы только они еще предупреждали, когда появятся. Может, стоит поставить в их телефоны приложение с GPS, чтобы я мог получать какие-то предупреждения? Не то чтобы я не радовался их приездам. Но все же лучше, если бы я мог к ним подготовиться.

Вот почему в своем новом доме я делаю потайной вход.

На всякий случай.

Строительство идет небыстро, потому что мы с Романом много делаем сами. Каждое воскресенье, с восхода и до заката, мы с ним приезжаем туда, в Чешир-Ридж, и работаем. Самые трудные вещи я отдаю на заказ, но большую часть постройки мы сделали сами. После двух лет такой воскресной работы дом начал принимать законченный вид. Так что, может, еще полгода, и я туда перееду.

– Куда ты идешь?

Я обернулся уже у самой двери в гараж. Отец стоял на пороге гостевой спальни. В одних трусах.

– У Диэм бейсбол. Не хотите тоже пойти?

– Не-а. Слишком сильное похмелье, чтоб иметь дело с детьми, да и нам надо ехать дальше.

– Вы уже уезжаете?

– Мы через пару недель вернемся. – Отец обнял меня. – Твоя мать еще спит, но я передам ей, что ты попрощался.

– Может, если вы в следующий раз заранее сообщите, что приедете, я возьму выходной.

Отец покачал головой.

– Не, нам нравится изумление на твоем лице, когда мы приезжаем внезапно.

Он ушел в ванную и закрыл дверь.

Я вышел через гараж и пошел через улицу к дому Грейс и Патрика.

Я только надеялся, что у Диэм не будет охоты поболтать, потому что мне было чертовски трудно сконцентрироваться. Я мог думать только о той девушке из бара и о том, как я хочу снова увидеть ее. Интересно, это очень по-дурацки, если я оставлю записку у нее на двери?

Я постучал в дверь Грейс и Патрика и вошел. Мы постоянно ходим в дома друг к другу, и в какой-то момент нам надоело кричать: «Открыто!» У нас всегда открыто.

Грейс была на кухне. Диэм сидела посреди стола, скрестив ноги и с миской яиц на коленях. Она никогда не сидит на стуле. Она всегда сидит сверху чего-то вроде спинки дивана, кухонной стойки, обеденного стола. Она верхолаз.

– Ты еще в пижаме, Ди. – Я забрал у нее миску и указал в сторону коридора. – Давай одевайся, нам уже пора. – Она убежала в свою комнату надевать бейсбольную форму.

– Мне казалось, игра в десять, – сказала Грейс. – Я бы ее передела.

– Так и есть, но я сегодня дежурю, раздаю им напитки, так что мне надо заскочить в магазин, а потом еще подобрать Романа. – Опершись на стойку, я взял мандарин и начал чистить его. Грейс загружала посудомойку. Она сдула со

щеки упавшую прядь волос.

- Она хочет качели, - сказала Грейс. - Такие большие, нелепые, вроде тех, что были у вас во дворе. У ее школьной подружки Найлы есть такие, а ты же знаешь, мы не можем ей отказать. Это будет ее пятый день рождения.

- Они все еще у меня.

- Правда? Где?

- Они разобраны и лежат в сарае, но я могу помочь Патрику их собрать. Не должно быть так уж сложно.

- Думаешь, они еще в нормальном виде?

- Ну, когда я их разбирал, то были. - Я не сказал ей, что разобрал их из-за Скотти. После его смерти, глядя на них, я всякий раз злился. Сунув в рот очередную дольку мандарина, я подумал о другом. - Не могу поверить, что ей уже пять.

Грейс вздохнула.

- Знаю. Невозможно. Нечестно.

Патрик заглянул в кухню и взъерошил мне волосы, как будто мне не тридцать без малого и я не выше него сантиметров на десять. - Грейс тебе сказала, что мы не идем на игру?

- Еще нет, - ответила Грейс. Округлив глаза, она расстроено взглянула на меня. - Моя сестра в больнице. Все в порядке, плановая операция, но нам нужно отвезти ее домой и покормить ее кошек.

- А что она делает на этот раз?

Грейс помахала рукой перед лицом.

– Что-то с глазами. Кто знает? Она на пять лет старше меня, а выглядит на десять моложе.

Патрик закрыл ей рот.

– Брось. Ты прекрасна. – Грейс, рассмеявшись, отбросила его руку.

Я никогда не видел, чтобы они ссорились. Даже когда Скотти был маленьким. Мои родители часто спорили, пусть даже в шутку, но за все двадцать лет, что я знаю Грейс и Патрика, они и этого никогда не делали.

Я тоже хочу так. Когда-нибудь. Хотя у меня нет на это времени. Я слишком много работаю, и иногда мне кажется, что я медленно закапываю себя в землю. Если я хочу прожить с девушкой столько времени, чтобы у нас сложилось, как у Грейс с Патриком, надо что-то менять.

– Леджер! – закричала Диэм из своей комнаты. – Помоги! – Я пошел в коридор, чтобы посмотреть, что ей нужно. Она рылась в шкафу, стоя на коленях. – Я не могу найти второй сапог – мне нужен сапог.

Она держала в руках красный ковбойский сапог и копалась вокруг в поисках второго.

– Зачем тебе сапоги? Тебе нужны щитки.

– Я сегодня не хочу щитки. Я хочу надеть сапоги.

Щитки лежали у нее на кровати, и я взял их.

– В бейсболе не носят сапоги. Давай прыгай на кровать, я помогу тебе надеть их.

Она поднялась и швырнула на кровать второй красный сапог.

– Нашла! – Захихикав, она взобралась на кровать и начала натягивать сапоги.

– Диэм, это бейсбол. В бейсбол не играют в сапогах.

– А я играю. Сегодня я буду в сапогах.

– Нет, не бу... – Я замолчал. У меня не было времени с ней спорить, и я знал, что, когда она придет на поле и увидит остальных детей в щитках, она даст мне снять эти сапоги. Я помог ей надеть сапоги и взял щитки с собой, вынося ее из комнаты.

Грейс ждала нас у двери. Она протянула Диэм пакетик сока.

– Хорошего дня. – Она поцеловала Диэм в щеку и тут заметила ее сапоги.

– Не спрашивай, – сказал я, открывая входную дверь.

– Пока, Нана, – сказала Диэм.

Патрик был в кухне, но, когда Диэм не попрощалась с ним, он драматически побежал за нами:

– А как же НоНо?

Когда Диэм начала говорить, Патрик хотел, чтобы она называла его Папа, но почему-то она стала называть Грейс Нана, а Патрика – НоНо, и это получалось настолько смешно, что мы с Грейс поощряли прозвища, и так они и закрепились.

– Пока, НоНо, – хихикая, сказала Диэм.

– Может, мы не успеем вернуться раньше вас, – сказала Грейс. – Если нет, оставишь ее у себя?

Не знаю, почему Грейс вообще спрашивает меня об этом. Я никогда не отказывался. И никогда не скажу ей нет.

– Не торопитесь. Мы сходим куда-нибудь пообедать. – Когда мы вышли на улицу, я опустил Диэм на землю.

– В «Макдоналдс»! – сказала она.

– Я не хочу в «Макдоналдс», – ответил я, пока мы переходили улицу, направляясь к моему грузовику.

– «Макдоналдс», прямо в машине!

Я открыл заднюю дверцу и помог ей забраться в детское кресло.

– А как насчет мексиканской еды?

– Не-а. «Макдоналдс».

– А китайской? Мы давно не ели китайскую.

– «Макдоналдс».

– Знаешь, что? Если ты наденешь на игру свои щитки, то мы пойдем в «Макдоналдс». – Я пристегнул ее в кресле.

Она замотала головой.

– Нет, я хочу в сапогах. И я все равно не хочу есть, я сыта.

– К обеду проголодаешься.

– И нет, я съела целого дракона. Я всегда буду сытой.

Иногда меня беспокоит, сколько она всего выдумывает, но она делает это так убедительно, что я чаще удивляюсь, а не волнуюсь. Я не знаю, в каком возрасте ребенок должен понимать разницу между враньем и выдумкой, но я надеюсь на Грейс и Патрика. Мне не хочется бороться с моим любимым в ней качеством.

Я выехал на улицу.

– Ты съела дракона? Целого дракона?

- Ага, но только это был маленький дракон, детеныш, и поэтому он уместился в мой живот.

- Где это ты нашла детеныша дракона?

- В «Волмарте».

- Они продают там детенышей драконов?

Она начала рассказывать, как в «Волмарте» продают детенышей драконов, но только надо иметь специальный купон, и их могут есть только дети. Когда я доехал до Романа, она объясняла, как надо их готовить.

- С шампунем и солью, - сказала она.

- Но шампунь же не едят.

- Так ты его и не ешь - ты в нем готовишь дракона.

- А-а-а. Я глупый.

Роман сел в машину с таким счастливым видом, точно ехал на похороны. Он ненавидит бейсбол. Он и детей-то не особо любит. Он помогает мне тренировать их только потому, что никто из других родителей не стал это делать. А поскольку он работает на меня, то я просто внес это в круг его служебных обязанностей.

Он единственный из моих знакомых, кому платили бы за работу детского тренера, но, похоже, сам он к этому не стремится.

- Привет, Роман, - нараспев сказала Диэм с заднего сиденья.

- Я выпил только одну чашку кофе; не разговаривай со мной.

Роману двадцать семь, но они с Диэм в своих отношениях, полных любви и ненависти, встречаются где-то посередине, потому что оба ведут себя как будто

им по двенадцать.

Диэм начала барабанить по его подголовнику.

– Проснись, проснись, проснись!

Роман повернул голову и поглядел на меня.

– Вся эта фигня, которой ты занимаешься в свое свободное время, чтобы помочь детям, не принесет тебе никакой пользы в загробной жизни, потому что религия – всего лишь социальный конструкт, созданный обществом, которое желает контролировать людей, так что рай – это всего лишь условность. А мы сейчас могли бы спокойно спать.

– Вау. Не хотел бы я увидеть тебя до кофе. – Я выехал с его двора задним ходом. – Если рай всего лишь условность, что же тогда ад?

– Бейсбольное поле.

9

Кенна

Еще нет и десяти утра, а я уже побывала в шести местах в поисках работы. И везде одно и то же. Они давали мне заявление. Спрашивали насчет опыта. Я говорила, что у меня его нет. И объясняла почему.

Тогда они извинялись и отказывали, но прежде оглядывали меня с ног до головы. Я знаю, что они думали. То же самое, что сказала моя квартирная хозяйка Рут, когда увидела меня в первый раз. Не думала, что ты будешь выглядеть вот так.

Люди думают, что женщина, побывавшая в тюрьме, выглядит определенным образом. Что мы все одинаковые. Но мы матери, жены, дочери, люди.

И все, что мы хотим, – это просто чертова передышка.

Хотя бы одна.

Седьмым местом, куда я пришла, стал продуктовый магазин. Он находился чуть дальше от моего дома, чем мне хотелось, примерно в шести километрах, но я уже попробовала все, что можно, между ним и домом.

Входя туда, я была вся потная, так что зашла в туалет умыться. Я мыла руки, когда в туалет зашла невысокая женщина с шелковистыми темными волосами. Она не пошла в кабинку. Просто прислонилась к стене и закрыла глаза. На ее табличке было написано «Эми».

Когда она открыла глаза, то заметила, что я смотрю на ее туфли. Она надела пару мокасин с вышивкой белыми и красными бусинами.

– Нравится? – спросила она, подняв ногу и покачивая ею из стороны в сторону.

– Да. Очень красиво.

– Их делает моя бабушка. Мы тут должны носить кроссовки, но старший менеджер не возражал против моих туфель. Думаю, он меня боится.

Я посмотрела на свои грязные кроссовки. Мне стало противно. Я даже не понимала, что хожу в такой грязной обуви.

В таком виде нельзя искать работу. Я сняла одну кроссовку и начала мыть ее в раковине.

– Я прячусь, – сказала женщина. – Так-то обычно я не торчу в туалете, но там в магазине сейчас одна старуха, которая всегда на все жалуется, а я, ну честно, сегодня не в состоянии выносить всю эту фигню. У меня дома двухлетка, и она не спала всю ночь, и я правда хотела взять больничный, но я старшая по смене, а старшим по смене больничный не положен. Так что мы приходим.

– И прячемся в туалете.

– Именно, – ухмыльнулась она.

Я поменяла кроссовки и начала мыть вторую. С комком в горле я спросила:

– А вы нанимаете персонал? Я ищу работу.

– Вообще да, но у нас, наверное, нет ничего для тебя.

Она не должна заметить мое отчаяние.

– А кого же вы нанимаете?

– Упаковщика продуктов. Это не полная ставка, мы обычно держим их открытыми для подростков с особыми потребностями.

– А. Ясно. Нет, конечно, я не хотела бы отнимать у кого-то работу.

– Да не в этом дело, – сказала она. – У нас не так-то много желающих из-за малого количества часов, но нам действительно нужен кто-то на частичную ставку. Вроде двадцати часов в неделю.

Этого не хватило бы даже на квартплату, но, если я стану хорошо работать, то, может, и смогу дослужиться до другой позиции.

– Я могу поработать, пока не появится кто-то с особыми потребностями. Мне бы сейчас не помешали деньги.

Эми оглядела меня сверху вниз.

– А почему тебе так это нужно? Платят очень фигово.

Я стала обуваться.

– Ну, я... – Я завязала кроссовку, оттягивая неизбежное признание. – Я только что вышла из тюрьмы. – Я постаралась произнести это быстро и уверенно, как будто меня это особо не волновало. – Но я не... Я смогу это делать. Я никого не

подведу, и от меня не будет неприятностей.

Эми рассмеялась довольно громко, но когда я не засмеялась вместе с нею, она сложила руки на груди и наклонила голову.

- Черт. Да ты что, серьезно?

Я кивнула.

- Ага. Но если это против правил, я полностью понимаю. Ничего страшного.

Она отмахнулась.

- Да ну. У нас и правил-то особых нет. Мы не сетевой магазин - мы можем нанимать кого хотим. Если честно, я обожаю смотреть этот сериал, Оранжевый - новый черный, так что если ты мне расскажешь, что там не так, то я дам тебе заполнить заявление.

Я чуть не расплакалась. Но вместо этого изобразила улыбку.

- Я слышала столько шуток про эту передачу. Думаю, мне надо ее посмотреть.

Эми закивала.

- Да. Да. Да. Лучшее кино, и актеры отличные. Пошли со мной.

Мы с ней пришли к стойке обслуживания клиентов у входа в магазин. Она порылась в ящиках, нашла бланк заявления и протянула мне вместе с ручкой.

- Если заполнишь прямо на месте, я поставлю тебя на инструктаж уже в понедельник.

Я взяла у нее заявление. Мне так хотелось поблагодарить ее, обнять, сказать, что она изменила всю мою жизнь. Но я просто улыбнулась и тихо пошла с заявлением на лавочку возле входа.

Я вписала свое полное имя, но возле среднего имени поставила кавычки, чтобы они поняли, что меня надо называть Николь. Я не могу носить в этом городе табличку с именем «Кенна». Кто-нибудь узнает его. И начнутся разговоры.

Я успела заполнить половину первой страницы, когда меня прервали.

– Привет.

Услышав этот голос, я крепко сжала ручку пальцами. Я медленно подняла голову – и передо мной стоял Леджер с тележкой, в которой лежала дюжина упаковок «Гаторейда»[1 - Популярный спортивный напиток. – Прим. ред.].

Я перевернула листок, надеясь, что он не успел прочесть вписанное туда имя. Сглотнув, я постаралась продемонстрировать более спокойное состояние по сравнению со вчерашним. Я указала на «Гаторейд».

– В баре сегодня особый заказ?

Казалось, он испытал облегчение, как будто ожидал, что я пошлю его к черту. Он постучал по упаковке.

– Тренирую детишек в бейсбол.

Я отвернулась, этот ответ почему-то смутил меня. Он не походил на детского тренера. Повезло этим мамашкам. Нет. Он тренирует детей. Разве у него есть ребенок? Ребенок и жена? Я что, едва не переспала с женатым бейсбольным тренером? Я постучала ручкой по скамейке.

– А ты, что... х-м-м... Разве ты женат?

Его ухмылка сказала мне, что нет. Он мог даже не говорить этого, но он покачал головой и сказал:

– Нет. – А потом кивнул на заявление у меня на коленках. – Ты нанимаешься на работу?

– Ага. – Я взглянула в сторону стола обслуживания. Эми смотрела на меня. Мне так нужна была эта работа, и я боялась, что она может подумать, что я стану отвлекаться на симпатичных барменов во время работы. Я отвернулась, боясь, что разговор с Леджером испортит все мои шансы. Я снова перевернула заявление, но положила его так, чтобы он не видел моего имени. И начала писать адрес, надеясь, что он уйдет.

Но Леджер не ушел. Он отодвинул тележку в сторону, чтобы люди могли ходить мимо него, прислонился плечом к стене и сказал:

– Я надеялся снова встретиться тебя.

Нет, я не сделаю этого.

Я не буду давать ему никаких подсказок, пока он не понимает, кто я.

И не буду подвергать опасности эту работу, заигрывая с посетителями. – Ты можешь уйти? – прошептала я, но так, чтобы он услышал.

Он скорчил гримасу.

– Я сделал что-то не так?

– Нет, но мне правда нужно это сделать.

Он напряг челюсть и оттолкнулся от стены.

– Мне просто показалось, что ты сердисься, и я как-то неловко чувствовал себя после вчерашнего, так что...

– Все в порядке. – Я снова оглянулась на стойку, и Эми продолжала смотреть на меня. Обернувшись к Леджеру, я взмолилась: – Мне правда очень нужна эта работа. А прямо сейчас мой будущий босс смотрит сюда, и – ничего личного, но ты весь в татуировках и выглядишь не очень, а мне надо, чтобы она не подумала, что от меня у нее возникнут неприятности. Мне плевать, что было вчера вечером. Все было по согласию. Все было нормально.

Он медленно кивнул и схватился за ручку тележки.

- Это было нормально, - повторил он, заметно обиженный.

Я почувствовала некоторую неловкость, но не собиралась ему врать. Он засунул руку мне в джинсы, и, если бы нам не помешали, мы бы, наверное, закончили бы тем, что трахнулись. В его грузовике. Ну и как бы все это было?

Но он прав - это было больше, чем нормально. Я даже не могла взглянуть на него, чтобы не залипнуть на его губы. Он отлично целовался, я не могла отпустить эту мысль, а ведь у меня столько гораздо более важных дел в жизни, чем пялиться на его рот.

Он пару секунд постоял молча, а потом вытащил из тележки пакет и достал коричневую бутылку.

- Я купил карамель. На случай, если ты снова зайдешь. - Он кинул бутылку в тележку. - В любом случае - удачи.

Он неуверенно повернулся и вышел за дверь.

Я попыталась продолжить заполнять заявление, но поняла, что вся дрожу. Мне казалось, будто во мне застряла бомба, которая начинает тикать в присутствии Леджера, приближаясь к тому, чтобы взорваться и выдать ему все мои тайны.

Я заполнила заявление, хотя почерк не получился четким, потому что руки дрожали. Когда я вернулась к стойке и отдала его Эми, она спросила:

- Это твой приятель?

Я изобразила дурочку.

- Кто?

- Леджер Уард.

Уард? Бар назывался «У Уарда». Он хозяин бара?

В ответ на вопрос Эми я помотала головой.

- Нет, я его почти не знаю.

- Жаль. Он тут у нас лакомый кусочек, с тех пор как они с Леа разошлись.

Она сказала это так, будто я должна была знать эту Леа. Наверное, в таком городке все знают всех. Я поглядела на дверь, в которую ушел Леджер.

- Я не ищу лакомых кусочков. Мне бы обычную работу.

Эми рассмеялась и просмотрела мое заявление.

- Ты выросла здесь?

- Нет, я из Денвера. Я приехала сюда учиться в колледже. - Я врала, ведь я никогда не ходила ни в какой колледж - но это был университетский город, и когда-то я собиралась пойти учиться. Просто этого так и не случилось.

- А, да? И что ты учила?

- Я не закончила. Потому и вернулась, - снова соврала я. - Хочу записаться со следующего семестра.

- Тогда эта работа для тебя идеальна; можно составить удобное расписание. Приходи в понедельник в восемь на инструктаж. У тебя есть права?

Я кивнула.

- Да, я принесу. - Я не стала говорить, что получила права только месяц назад, после того как много месяцев их восстанавливала. - Спасибо. - Я попыталась сказать это как можно более искренне. Пока у меня все получалось. У меня было жилье, и вот работа.

Теперь только осталось найти мою дочь.

Я повернулась, чтобы уйти, но Эми сказала:

- погоди. Ты что, не хочешь узнать, сколько тебе будут платить?

- Ой. Да, конечно.

- Минимальная оплата. Я знаю, это смешно. Я тут не хозяйка, иначе я бы добавила. - Она наклонилась и понизила голос. - Знаешь, может, попробуешь найти работу на складе у Лоу? Они платят вдвое больше даже начинающим.

- Я на той неделе подавала заявление онлайн. Они не берут таких, как я.

- О. Черт. Ладно. Тогда до понедельника.

Прежде чем уйти, я еще задала ей вопрос, который, наверное, не должна была задавать.

- Еще одно. Вы знаете того парня, с которым я разговаривала? Леджера?

Она удивленно подняла бровь.

- А что?

- У него есть дети?

- Племянница или что-то такое. Она иногда приходит с ним сюда. Милая малышка, но я уверена, что он не женат и без детей.

Племянница?

А может, дочка его умершего лучшего друга?

И он приходит сюда с моей дочкой?

Я выдавила улыбку, несмотря на всю бурю раздиравших меня эмоций. Еще раз поблагодарила и быстро выскочила, надеясь, что каким-то чудом грузовик Леджера все еще стоит на улице и что моя дочь там вместе с ним.

Я оглядела парковку, но они уже уехали. Во мне все поникло, но я все еще ощущала, как по моему телу бежали волны адреналина, маскирующегося под надежду. Потому что я знала, раз он тренирует детей, то Диэм, скорее всего, будет в его команде, потому что с чего бы еще он тренировал их, если у него нет своих детей?

Я подумала, не пойти ли мне прямо на бейсбольное поле, но решила, что все нужно делать правильно. Сперва я хотела поговорить с Патриком и Грейс.

10

Леджер

Я вытаскивал из мешка оборудование, стоя на краю поля, когда Грэйди подошел с той стороны забора из сетки и вцепился в него пальцами.

– Ну? И кто это был?

Я притворился, что не понимаю, о ком он говорит.

– Кто был кто?

– Девушка, которая вчера была в твоём грузовике.

Глаза Грэйди были красными. Похоже, на нем начали сказываться ночные смены.

– Посетительница. Я просто подвез ее домой.

Уитни, жена Грэйди, стояла с ним рядом. По крайней мере, возле нее не обнаруживалось остальной бригады мамашек, но по ее взгляду я немедленно

понял, что меня обсуждает все бейсбольное поле. Я могу выдерживать нападение только одного семейства одновременно.

- Грэйди сказал, у тебя в машине вчера была девушка.

Я окинул Грэйди взглядом, и он беспомощно поднял руки, как будто его жена вытащила из него эту информацию под пытками.

- Да никто это не был, - повторил я. - Просто подвез посетительницу до дома. - Интересно, сколько раз мне придется сегодня это повторить.

- Кто она такая? - спросила Уитни.

- Ты ее не знаешь.

- Мы тут всех знаем, - сказал Грэйди.

- Она не местная, - сказал я. Может, я и соврал - а может, сказал правду. Я и сам не знал, потому что ничего не знал о ней. Ну, кроме того, какая она на вкус.

- Дестин отрабатывал замах, - сказал Грэйди, переводя разговор на своего сына. - Вот погоди, увидишь, как у него получается.

Грэйди хочет, чтобы все отцы ему завидовали. Мне этого не понять. Детский бейсбол должен проходить весело, а люди подобного типа устраивают из него такое состязание, что губят весь интерес.

Пару недель назад Грэйди чуть не подрался с судьей. И ударил бы его, если бы Роман не вытеснил его с поля.

Я сомневаюсь, что такие страсти вокруг детской игры производят хорошее впечатление. Но Грэйди очень серьезно относится к спортивным занятиям сына.

А я... не так. Иногда я думаю, может, это потому, что Диэм мне не дочь. Будь это так, сердился бы я из-за спортивной игры, где даже счет не ведут? Не знаю, способен ли я любить своего биологического ребенка больше, чем Диэм, но мне спортивные достижения совсем не важны. Кто-то из родителей считает, раз я

профессионально играл в футбол, то должен быть более честолюбивым. Да я всю жизнь имел дело с честолюбивыми тренерами. Я и согласился тренировать эту команду только затем, чтобы никакой честолюбивый придурок не мог прийти и подать Диэм плохой пример.

Дети должны были разминаться, но Диэм стояла перед первой отметкой, рассовывая мячи в карманы своих бейсбольных штанов. В каждом кармане у нее уже лежало по парочке, и теперь она пыталась засунуть третий. От их веса штаны начинали сползать.

Я подошел и присел перед ней на колени.

- Ди, ты не можешь забрать себе все мячи.

- Это драконьи яйца, - сказала она. - Я посажу их у себя в саду и выращу маленьких дракончиков.

Я перекидал мячи Роману один за другим.

- Драконы растут не так. На яйцах должна сидеть мама-дракониха. Их не закапывают в саду.

Диэм нагнулась за камушком, и я заметил, что она засунула еще два мяча себе за пазуху. Я расстегнул ей рубашку, и мячи упали к ее ногам. Я кинул их Роману.

- А я тоже выросла в яйце? - спросила она.

- Нет, Ди. Ты человек. Люди не вылупляются из яиц - мы растем... - Я замолчал, потому что собирался сказать Мы растем у нашей мамы в животе, но я всегда старался избегать разговоров про отца и мать с Диэм. Мне не хотелось, чтобы она начала задавать вопросы, на которые у меня нет ответов.

- Где мы растем? - спросила она. - На деревьях?

Черт.

Я положил ей руку на плечо и проигнорировал ее вопрос, потому что понятия не имел, что говорили ей Грейс и Патрик о том, откуда берутся дети. Это не мое дело. Я был не готов к этому разговору.

Я закричал, чтобы дети строились, и Диэм, к счастью, отвлеклась на свою подружку и убежала от меня.

Я с облегчением выдохнул, поскольку разговор закончился.

Романа я высадил в баре, чтобы избавить его от посещения «Макдоналдса».

Да, мы пошли в «Макдоналдс», хотя Диэм так и не надела свои щитки за всю игру, потому что со мной она поступает по-своему чаще, чем наоборот.

Говорят, выбирай свои битвы, но что делать, если ты выбираешь не биться?

– Я больше не хочу играть в бейсбол, – вдруг ни с того ни с сего проговорила Диэм. Когда это пришло ей в голову, она макала чипсы в мед и, конечно, перемазалась сладким.

Я пытался заставить ее есть чипсы с кетчупом, потому что его гораздо легче вытирать, но Диэм не была бы собой, если бы не делала все самым неудобным образом.

– Тебе больше не нравится бейсбол?

Она отрицательно покачала головой и облизала пальцы.

– Это нормально. Но нам осталось всего несколько игр, и у тебя есть обязательство.

– Что такое обязательство?

– Это когда ты соглашаешься что-то делать. Ты согласилась стать частью команды. Если ты бросишь посередине сезона, твоим друзьям будет тяжело. Как

ты думаешь, сможешь ты доиграть этот сезон?

- Если мы будем ходить в «Макдоналдс» после каждой игры.

Я прищурился.

- Почему мне кажется, что меня тут обводят вокруг пальца?

- Что значит обводить вокруг пальца? - спросила она.

- Это значит, что ты пытаешься заставить меня водить тебя в «Макдоналдс».

Диэм усмехнулась и доела последнюю чипсину. Я собрал мусор на поднос. Взял ее за руку, чтобы идти на улицу, и вспомнил про мед. Ее ладошки были липкими, как бумага для мух. Именно поэтому у меня в машине лежат влажные салфетки.

Спустя пару минут она сидела пристегнутой в своем кресле, а я оттирал ее руки мокрой салфеткой, и тут она спросила:

- А когда у моей мамы будет машина побольше?

- У нее и так минивэн. Куда ей еще больше-то?

- Не Нана, - сказала Диэм. - Моя мама. Скайлар говорит, моя мама никогда не приходит на игру, а я сказала, что она придет, когда у нее будет машина побольше.

Я перестал вытирать ей руки. Она никогда не говорила о матери. А сегодня мы затрагиваем эту тему уже второй раз.

Наверное, она доросла до такого возраста, но я не знаю, что Грейс и Патрик говорили ей про Кенну, и понятия не имел, почему она спрашивает про машину своей матери.

- А кто тебе сказал, что твоей маме нужна машина побольше?

– Нана. Она говорит, у мамы совсем небольшая машина, и поэтому я живу с ней и с НоНо.

Это было странно. Я покачал головой и выбросил салфетки в мусор.

– Не знаю. Спроси у Наны. – Я закрыл дверь, и, обходя машину, отправил Грейс сообщение: «Почему Диэм считает, что не видит свою мать из-за того, что той нужна машина побольше?»

Мы отъехали от «Мака» несколько километров, когда Грейс позвонила. Я проверил, что телефон не на громкой связи.

– Привет. Мы с Диэм уже едем домой. – Таким образом, я дал Грейс понять, что не могу толком говорить.

Грейс втянула воздух, словно готовясь к долгому разговору.

– Ладно. На прошлой неделе Диэм спросила, почему она не живет с мамой. Я не знала, что сказать, и сказала, что она живет со мной, потому что мы все не помещаемся в машину ее мамы. Это первая ложь, что пришла мне в голову. Леджер, я была в панике.

– Надо думать.

– Мы собирались ей рассказать, но как можно сказать ребенку, что его мать в тюрьме? Она же даже не знает, что такое тюрьма.

– Да я не осуждаю, – сказал я. – Я просто хотел убедиться, что мы говорим об одном и том же. Но нам, наверное, нужно придумать какую-то более аккуратную версию правды.

– Знаю. Но она еще такая маленькая.

– Она начинает интересоваться.

- Знаю. Просто... Если она опять спросит, скажи, что я все объясню.
 - Я так и сказал. Готовься к вопросам.
 - Отлично, - вздохнула она. - Как прошла игра?
 - Хорошо. Она была в красных сапогах. И мы поехали в «Макдоналдс».
 - Ты продул, - рассмеялась Грейс.
 - Ага. Тоже мне новости. До встречи. - Я закончил звонок и оглянулся на заднее сиденье. Диэм выглядела сосредоточенной.
 - О чем задумалась, Ди?
 - Я хочу быть в кино, - сказала она.
 - Да что ты? Ты хочешь стать актрисой?
 - Нет, я хочу быть в кино.
 - Ну да. Это называется быть актрисой.
 - Ну тогда да, я хочу быть этим. Актрисой. Я хочу быть в мультиках.
- Я не стал говорить ей, что мультфильмы - это просто картинки и голоса.
- Я думаю, ты будешь классной актрисой мультиков.
 - Буду. Я собираюсь стать лошадкой, драконом или русалкой.
 - Или единорогом, - предложил я.
- Она улыбнулась и отвернулась к окну.

Мне нравилось ее воображение, но она точно унаследовала его не от Скотти. Он мыслил прямо и конкретно, как тротуар.

11

Кенна

Я никогда не видела фотографии Диэм. Не знаю, похожа ли она на меня или на Скотти. Голубые у нее глаза или карие? Такая же открытая улыбка, как у ее отца? Смеется ли она так, как я?

Счастлива ли она?

Это моя единственная надежда. Я так хотела, чтобы она была счастлива.

Я полностью доверяла Грейс и Патрику. Я знаю, что они любили Скотти, и, очевидно, любят Диэм. Они полюбили ее еще до того, как она родилась.

Они начали борьбу за опеку над ней в тот же день, как им сообщили, что я беременна. У младенца еще не развились полноценные легкие, а они уже боролись за его первый вздох.

Я проиграла борьбу за опеку еще до рождения Диэм. У матери не так много прав, если она приговорена к нескольким годам тюрьмы.

Судья решил, что из-за всей ситуации и из-за горя, которое я причинила семье Скотти, он не может с чистой совестью удовлетворить мою просьбу о праве на посещения. И он не станет заставлять родителей Скотти поддерживать связь между мной и моей дочерью, пока я нахожусь в тюрьме.

Мне сказали, что я могу подать прошение в суд о восстановлении родительских прав после освобождения, но, поскольку меня лишили этих прав, вероятно, тут нельзя ничего поделать. Между рождением Диэм и моим освобождением прошло почти пять лет, так что никто не может да и не будет мне помогать.

У меня осталась только иллюзорная надежда, которую я, как ребенок, пыталась удержать в руках.

Я молилась о том, что родителям Скотти просто нужно время. Я наивно предполагала, что они рано или поздно поймут, что я нужна Диэм.

Пока я жила в изоляции от мира, я не могла ничего поделаться, но теперь, когда я вышла, я долго и всерьез думала о том, как должна поступить. Я понятия не имела, чего мне ожидать. Я даже не знала, что они за люди. Я видела их только однажды, когда мы встречались со Скотти, и эта встреча прошла не слишком удачно. Я пыталась найти родителей Скотти в Сети, но их данные были скрыты. Я не смогла обнаружить ни единой фотографии Диэм. Я даже просмотрела профили всех друзей Скотти, чьи имена смогла вспомнить, но многих забыла, да и все равно их данные тоже оказались скрытыми.

Я очень мало знала про жизнь Скотти до нашей встречи и не прожила с ним настолько долго, чтобы как следует узнать его семью и друзей. Шесть месяцев из двадцати двух лет его жизни.

Почему все данные его близких закрыты? Из-за меня? Они боятся, что случится именно это? Что я появлюсь? Что стану надеяться стать частью жизни своей дочери?

Я знаю, что они ненавидят меня, и у них есть полное на это право, но часть меня все равно живет с ними последние четыре года в Диэм. Я надеялась на то, что через мою дочь они найдут в себе хотя бы толику прощения для меня.

Время лечит все раны, верно?

Вот только я нанесла им не просто рану. Я нанесла им увечье. Такое тяжелое, что с большой вероятностью его никогда нельзя простить. Но очень трудно не цепляться за надежду, когда все, что я могла – это жить в ожидании этого момента.

И он либо починит меня, либо уничтожит окончательно. Другого не дано.

Еще четыре минуты, и я узнаю.

В этот момент я нервничала больше, чем тогда, в суде, пять лет назад. Я стиснула в руке резиновую морскую звезду. Это единственная игрушка, которая продавалась на заправке возле моего дома. Я могла бы попросить таксиста заехать в большой универмаг, но оба находились в городе в другой стороне от места, где, как я надеялась, до сих пор живет Диэм, а я не могла позволить себе длинных поездок на такси.

После того как меня наняли на работу в магазине, я пошла домой и поспала. Я не хотела приходить к Грейс и Патрику, пока Диэм там не было, а если Эми права и у Леджера нет своих детей, то разумно предположить, что девочка, которую он тренирует в бейсбол – моя дочь. И судя по тому, сколько «Гаторейда» он покупал, он готовился к долгому дню со многими командами, что, используя дедуктивный метод, говорит нам, что Диэм еще несколько часов не вернется домой.

Я ждала, сколько могла. Я знала, что бар открывается в пять, следовательно, Леджер, скорее всего, отвезет Диэм домой раньше пяти. Я не хотела, чтобы он был там, когда я приду, и рассчитала так, чтобы такси привезло меня туда в пять пятнадцать.

Я не хотела приезжать позже, потому что не хотела появиться, когда они будут ужинать или потом, когда она ляжет спать. Я стремилась сделать все правильно. Я не хотела сделать ничего, что могло бы заставить Грейс и Патрика бояться меня больше, чем они, наверное, и так боялись.

Я не хотела, чтобы они велели мне уйти до того, как я хотя бы выскажу им свою просьбу.

В идеальном мире они открыли бы мне дверь и позволили бы мне встретиться с моей дочерью, которую я даже никогда не держала в руках.

В идеальном мире... Их сын все еще был бы жив.

Я подумала, что же я увижу в их глазах, когда появлюсь у них на пороге. Шок? Ненависть?

Насколько сильно Грейс может ненавидеть меня?

Иногда я пытаюсь поставить себя на ее место.

Я пытаюсь вообразить себе степень ее ненависти ко мне – как все это должно восприниматься с ее стороны. Иногда, лежа в постели, я закрываю глаза и пытаюсь оправдать все причины, по которым эта женщина старается удержать меня подальше от моей дочери, чтобы не возненавидеть ее в ответ.

Я думаю: Кенна, представь, что ты – Грейс.

Вот прекрасный молодой человек, которого ты любишь больше жизни, больше, чем все на свете. Он красивый, он состоявшийся. Но, что еще важнее, он добрый. Все говорят об этом. Другие родители мечтают, чтобы их дети походили на него. Ты улыбаешься, потому что гордишься им.

Ты гордишься им, даже когда он приводит домой новую подружку, которая слишком громко стонет посреди ночи. Подружку, которая разглядывает комнату, пока все молятся перед обедом. Подружку, которую ты ловишь в одиннадцать вечера с сигаретой во дворе, но ничего не говоришь ей; ты просто надеешься, что она скоро надоест твоему прекрасному сыну.

Представь, что тебе звонит сосед твоего сына по квартире, спрашивая, не знаете ли вы, где он. Он должен был рано утром прийти на работу, но по какой-то причине не явился.

Представь, как ты волнуешься, потому что твой сын всегда приходит куда надо.

Представь, что он не отвечает на мобильный, когда ты звонишь, чтобы узнать, почему он не вышел на работу.

Представь, как идет время и ты начинаешь паниковать. Обычно ты чувствуешь его, но сегодня это не удастся. Ты полна страха, а места для гордости не остается.

Представь, что ты начинаешь звонить. Ты звонишь в университет, звонишь ему на работу, ты бы позвонила даже его подружке, на которую тебе наплевать, если бы знала ее телефон.

Представь, что ты слышишь, как захлопывается дверь машины, и с облегчением выдыхаешь только затем, чтобы упасть на пол, увидев полицейского возле своей двери.

Представь слова вроде «Мне очень жаль», «несчастный случай», «машина разбита» и «не выжил».

Представь, что ты не умерла в эту минуту.

Представь, что тебе пришлось жить, и пережить этот ужасный вечер, и проснуться на следующий день, и тебя попросят опознать тело сына.

Его безжизненное тело.

Тело, которое ты создала, в которое вдохнула жизнь, которое выросло у тебя внутри, научилось ходить, говорить, бегать и любить других.

Представь, что касаешься его холодного, ледяного лица, твои слезы падают на полиэтиленовый мешок, в который его засунули, молчаливый крик застывает в горле, а потом возвращается к тебе в ночных кошмарах.

А ты все живешь. Как-то.

Как-то живешь без той жизни, которую ты создала. Скорбишь. У тебя не хватает сил даже организовать его похороны. Ты не можешь понять, как же твой сын, добрый, идеальный сын мог оказаться таким безрассудным.

Ты в таком отчаянии, но твое сердце продолжает биться, снова и снова напоминая тебе обо всех ударах сердца, которых уже не ощутит твой сын.

Представь, что все еще хуже.

Только представь.

Представь, как ты думаешь, что ты уже на самом дне, и тут ты видишь новый утес, с которого тебе предстоит упасть, когда тебе говорят, что твой сын даже не сам вел машину, слишком быстро вылетевшую тогда на обочину.

Представь, что тебе говорят, что в аварии виновата она. Девчонка, которая курила, не закрывала глаз во время молитвы и слишком громко стонала у тебя в доме.

Представь, что тебе говорят, что это она так неосторожно и зло обошлась с жизнью, которую ты создала.

Представь, что тебе говорят – она бросила его там. Говорят «убежала с места аварии».

Представь, тебе говорят, что нашли ее на следующий же день в постели, с похмелья, перепачканную землей, грязью и кровью твоего сына.

Представь, тебе говорят, что у твоего идеального сына был идеальный пульс, и он мог бы прожить идеальную жизнь, если бы только попал в аварию с другой, идеальной девушкой.

Представь, что ты понимаешь, что этого не случилось.

Он же даже не умер. По их оценке, он прожил еще шесть часов. Он прополз несколько метров в поисках тебя. Нуждаясь в твоей помощи. Истекая кровью. Умирая.

Часами.

Представь, что ты узнаешь, что та девица, которая слишком громко стонала и курила в одиннадцать вечера у тебя во дворе, могла спасти его.

Один телефонный звонок, которого она не сделала.

Три цифры, которые она так и не набрала.

Она отсидела за его жизнь пять лет, а ты растила его целых восемнадцать и еще четыре любовалась, как он живет сам по себе, и, может, могла бы делать это еще лет пятьдесят, если бы она не прервала это.

Представь, что после всего этого тебе надо жить дальше.

А теперь представь, что эта девица... Та, про которую ты надеялась, что она надоест твоему сыну... Представь, что после всего, что она тебе причинила, она решает снова появиться в твоей жизни.

Представь, что ей хватает наглости постучаться к тебе.

Улыбнуться тебе в лицо.

И спросить о своей дочери.

Ожидая, что ей позволят стать частью крошечной прекрасной жизни, которая чудом осталась после твоего сына.

Просто представь все это. Представь, что тебе пришлось посмотреть в глаза девице, бросившей твоего умирающего сына ползти по дороге, пока она спала в своей постели.

Представь, что бы ты сказала ей после всего этого.

Представь, как бы ты хотела причинить ей ответную боль.

Очень легко понять, почему Грейс меня ненавидит.

И чем ближе я к их дому, тем больше начинаю себя ненавидеть.

Я даже не понимала, почему я иду сюда, не подготовившись как-то получше. Это будет очень непросто, и хотя я готовила себя к этому моменту каждый день в течение пяти лет, я никогда не репетировала его по-настоящему.

Такси повернуло на бывшую улицу Скотти. Мне казалось, что меня вжимает в заднее сиденье тяжестью, которой я никогда раньше не ощущала.

Когда я увидела их дом, мой страх стал слышен. Откуда-то из глубины моей глотки вырвался звук, который изумил меня саму, и мне потребовалась вся сила,

чтобы удержать слезы.

В этом доме прямо сейчас может быть Диэм.

Я сейчас пройду по двору, где она играет.

Я постучу в дверь, которую она открывала.

– Ровно двенадцать долларов, – сказал водитель.

Я вытащила из кармана пятнадцать и сказала, что сдачи не надо. Мне казалось, я выплыла из этой машины, не чувствуя себя. Это было такое странное ощущение, что я даже обернулась, чтобы убедиться, что не осталась на заднем сиденье.

Я подумала, не попросить ли водителя подождать, но это означало бы заранее признать поражение. Потом я придумаю, как попасть домой. Сейчас же я продолжала цепляться за недостижимую мечту, что до того, как меня попросят уйти, пройдет несколько часов.

Как только я захлопнула дверцу, такси тут же уехало, и я осталась стоять на другой стороне улицы, напротив их дома. На закатном небе все еще ярко светило солнце.

Я пожалела, что не дождалась темноты. Я ощущала себя открытой мишенью. Беззащитной перед тем, что может случиться со мной.

Мне хотелось спрятаться.

Мне нужно еще время.

Я даже не репетировала, что я им скажу. Я постоянно думала об этом, но ничего не проигрывала вслух.

Мне становилось все труднее дышать. Я положила руки на затылок и сделала вдох и выдох, вдох и выдох.

Занавески в гостиной были задернуты, так что меня, наверное, еще никто не увидел. Я присела на бордюр и попыталась собраться перед тем, как пойти туда. Мои мысли рассыпались передо мной, и нужно было собрать их по одной и расположить в правильном порядке.

1. Извиниться.
2. Выразить свою благодарность.
3. Умолять их о милости.

Надо было бы лучше одеться. Я была в джинсах и той же самой майке, что и вчера. Это самая чистая моя одежда, но теперь, глядя на себя, мне хотелось заплакать. Я не хочу впервые встретиться со своей дочерью в несвежей майке. Как Патрик и Грейс могут отнестись ко мне всерьез, если я даже одеться прилично не могу?

Я не должна была мчаться сюда. Я должна была все продумать лучше. Я начала паниковать.

Вот если бы у меня был друг.

– Николь?

Я повернулась на этот голос. И вытянула шею, пока не встретила с Леджером взглядом. В обычных обстоятельствах встреча с ним здесь шокировала бы меня, но я и так была в потрясенном состоянии, и поэтому мой мыслительный процесс пошел в направлении типа Ну конечно. Офигеть.

В том, как он смотрел на меня, чувствовалась какая-то напряженность, и от этого по моим рукам побежали мурашки.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

Черт. Черт. Черт.

– Ничего. – Черт. Я быстро взглянула на ту сторону улицы. Потом я поглядела Леджеру за спину, на дом, вероятно, принадлежащий ему. Я вспомнила, Скотти говорил, что Леджер жил напротив него. С какой вероятностью он все еще живет там?

Я понятия не имела, что же делать. Я поднялась. Казалось, на моих ногах висят гири. Я посмотрела на Леджера, но он больше не смотрел на меня. Он смотрел через улицу, на бывший дом Скотти.

Он провел рукой по подбородку, и на его лице появилось озабоченное выражение. Он спросил:

– Почему ты смотришь на этот дом? – Сам он посмотрел вниз, на землю, потом через улицу, а потом на солнце, а потом, когда я так и не ответила, снова перевел взгляд на меня – и это был совершенно другой человек, чем тот, которого я видела сегодня утром в магазине.

Он больше не был тем парнем, который двигался по бару, словно гимнаст на роликах.

– Тебя зовут не Николь, – сказал он с каким-то печальным осознанием.

Я моргнула.

Он все сложил.

А теперь, казалось, хотел разорвать все на кусочки.

Он указал на свой дом.

– Пошли.

Это прозвучало резко и требовательно. Я шагнула на улицу, в сторону от него. Я чувствовала, что меня начинает трясти, и тут он тоже шагнул на улицу, сокращая расстояние между нами. Он снова посмотрел на дом напротив и

обхватил меня рукой, твердо прижав ее к моей спине. Он начал подталкивать меня, одновременно кивая на другую сторону, где жила моя дочь.

- Пошли, пока они тебя не увидели.

Я ожидала, что рано или поздно он все поймет. Жалко, что он не сообразил всего этого прошлой ночью. А не теперь, когда я всего в тридцати метрах от нее.

Я поглядела на его дом, потом на дом Грейс и Патрика. У меня отсутствовала возможность избавиться от него. Последнее, чего я хотела - это устроить тут сцену. Моя задача была появиться тихо и мирно, чтобы все прошло по возможности гладко. А Леджер, судя по всему, хотел обратного.

- Пожалуйста, оставь меня в покое, - сказала я сквозь сжатые зубы. - Это не твое дело.

- Да ни хрена, - прошипел он.

- Леджер, пожалуйста. - Мой голос дрожал от страха и слез. Я боялась его, боялась всего происходящего, боялась, что все это окажется гораздо труднее, чем я опасалась. Почему он утаскивает меня от их жилья?

Я обернулась на дом Грейс и Патрика, но ноги несли меня в сторону дома Леджера. Я бы поборолась с ним, но сейчас не была уверена, что готова встретиться с Ландри. Раньше, когда я только садилась в такси, я думала, что готова, но сейчас, здесь, рядом с разозленным Леджером, я была совершенно к этому не готова. За последние несколько минут стало ясно, что они могли ожидать моего появления и совершенно мне не рады.

Наверное, их известили сразу же, как только меня перевели на временное содержание. И они ждали, что я могу появиться.

В ногах у меня больше не было тяжести. Мне казалось, я снова парила высоко в воздухе, как воздушный шар, и следовала за Леджером, как будто он тянул меня за ниточку.

Мне было стыдно, что я пришла сюда. Настолько стыдно, что я шла за Леджером, словно у меня нет ни своих мыслей, ни голоса. В эту минуту я точно не ощущала даже малейшей уверенности в себе. И моя майка была слишком дурацкой для такого значимого момента. Я сама была слишком уж дурой, если думала, что это нужно сделать именно так.

Как только мы вошли в гостиную, Леджер закрыл за нами дверь. Казалось, ему было противно. Уж не знаю, при виде меня или при мысли о прошлой ночи. Он расхаживал по гостиной, прижав руку ко лбу.

- Так ты поэтому явилась в мой бар? Попыталась обмануть меня, чтобы я вывел тебя на нее?

- Нет, - жалким голосом проговорила я.

Он раздраженно провел рукой по лицу. Помолчал и пробормотал: «Черт побери».

Он был так зол на меня. Ну почему я всегда совершаю самые идиотские поступки?

- Ты пробыла в городе всего один день, - он швырнул на стол ключи. - Ты что, правда считаешь, что это хорошая идея? Так сразу явиться сюда?

Так сразу? Ей уже четыре года.

Я прижала руку к своему урчащему животу. Я не знала, что делать. Что мне делать? Что я могу сделать? Должно же что-то найтись. Какой-нибудь компромисс. Они же не могут вот так, все вместе, решить, что лучше для Диэм, даже не спросив меня?

Или могут?

Да могут, конечно.

В этом сценарии неразумно веду себя я. Но слишком сильно боюсь в этом признаться. Мне хотелось спросить Леджера, могу ли я сделать хоть что-нибудь, чтобы они хотя бы выслушали меня, но от того, как он на меня смотрел, я

чувствовала себя полностью неправой во всем. И начала уже думать, имею ли я право вообще задавать какие-нибудь вопросы.

Его взгляд упал на резиновую морскую звезду, которую я все еще держала. Он подошел ко мне и протянул руку. Я положила звезду ему на ладонь. Не знаю, зачем я ее отдала. Может, если он увидит, что я принесла игрушку, то поверит, что я пришла с добрыми намерениями.

– Seriously? Кольцо для зубов? – Он швырнул ее на диван, как будто это самое глупое, что он видел в жизни. – Ей уже четыре. – Он прошел в кухню. – Я отвезу тебя домой. Жди здесь, пока я выведу машину из гаража. Я не хочу, чтобы они тебя увидели.

Мне больше не казалось, что я парю в воздухе. Я стала тяжелой и окоченевшей, как будто мои ноги увязли в бетонном фундаменте этого дома.

Я глянула в окно на дом Грейс и Патрика.

Я была так близко. Нас разделяла только улица. Пустая улица, безо всяких машин.

Мне стало ясно, что произойдет дальше. Грейс и Патрик не хотят иметь со мной никакого дела, настолько, что предупредили Леджера, чтобы он остановил меня. Это значит, никаких переговоров не случится. И того прощения, которое, как я надеялась, могло найти свой путь в их сердца, тоже нет и не будет.

Они все так же меня ненавидят.

И, что очевидно, все остальные вокруг них – тоже.

Единственный способ, каким я могла бы увидеть свою дочь – это каким-то чудом прорваться сквозь судебную систему, а на это нужны деньги, которых у меня пока нет, и годы, о которых я даже думать не могу. Я уже так много упустила.

Если я вообще хочу увидеть Диэм, то это мой единственный шанс. Если мне нужна возможность взмолиться о прощении к родителям Скотти, то это или сейчас, или никогда.

Сейчас или никогда.

Леджер может еще какое-то время не замечать, что я не пошла за ним в гараж. И я могу успеть прежде, чем он поймает меня.

Я выскользнула наружу и со всех ног помчалась через улицу.

Я уже в их дворе.

Ноги несли меня по траве, на которой играет Диэм.

Я стучу в их входную дверь.

Я звоню в их звонок.

Я пытаюсь заглянуть в окно, чтобы хоть увидеть ее.

– Ну пожалуйста, – прошептала я, стуча еще сильнее. Мой шепот перешел в панику, когда я услышала приближающиеся сзади шаги Леджера. – Простите меня! – закричала я, стуча в дверь. Мой голос был полон мольбы. – Простите, простите, только дайте мне взглянуть на нее.

Меня оторвали и затем понесли обратно в дом через улицу. Даже пытаюсь его побороть, пытаюсь вырваться из его рук, я смотрела на эту дверь, которая все удалялась и удалялась... Я надеялась хоть на полсекунды увидеть мою маленькую девочку.

Но я так и не увидела в их доме никакого движения, а потом оказалась в помещении. Меня снова внесли в дом Леджера и бросили на диван.

Держа в руках телефон, он ходил по гостиной и набирал номер. Только три цифры. Он звонит в полицию.

Я испугалась.

– Нет, – взмолилась я. – Нет, нет, нет. – Я кинулась через всю гостиную, пытаюсь схватить телефон, но он просто положил руку мне на плечо и вернул меня на диван.

Я села и обхватила руками колени, поднеся дрожащие пальцы ко рту.

– Пожалуйста, не надо звонить в полицию. Пожалуйста. – Я сидела очень тихо, стараясь не выглядеть так, словно я угрожаю кому-нибудь, надеюсь, что он посмотрит мне в глаза и сможет разглядеть там всю мою боль.

Он встретился со мной взглядом, когда слезы уже начали стекать у меня по щекам. Он подождал, прежде чем нажать последнюю цифру. Он смотрел на меня... изучающе. Вглядывался в меня в поисках обещания.

– Я больше не приду. – Если он позвонит в полицию, для меня это будет совсем плохо. Я не могу еще сильнее испортить свою историю, даже если и не нарушала никаких законов. Но появления здесь непрошеной гостьей будет достаточно, чтобы испортить мою позицию.

Он сделал шаг в мою сторону.

– Ты не смеешь больше появляться тут. Поклянись, что мы никогда больше не увидим тебя, иначе я звоню в полицию.

Я не могу. Не могу обещать ему это. Что у меня осталось в жизни, кроме дочери? Она все, что у меня есть. Почему я еще живу.

Этого не может быть.

– Пожалуйста, – заплакала я, даже не зная, чего именно прошу. Мне просто хотелось, чтобы кто-нибудь послушал меня. Чтобы выслушал. Понял бы, как сильно я страдаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Популярный спортивный напиток. – Прим. ред.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/kolin-guver/napominanie-o-nem>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)